

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami
Russian-Armenian (Slavic) State University
Dagestan State University

THE THEORY AND PRACTICE OF GENDER STUDIES IN WORLD SCIENCE

Materials of the VII international scientific conference
on May 5–6, 2016

Prague
2016

The theory and practice of gender studies in world science : materials of the VII international scientific conference on May 5–6, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 75 p. – ISBN 978-80-7526-106-9

ORGANISING COMMITTEE:

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department, Russian-Armenian (Slavic) State University.

Dilnoz I. Ruzieva, doctor of pedagogical sciences, professor of Tashkent State Pedagogical University named after Nizami.

Marzizhat A. Butayeva, doctor of philosophical sciences, assistant professor of the social technologies department in the Dagestan State University, president of women's union of Makhachkala.

Ilna G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of the theory and practice of gender studies in world science. Some articles deal with questions of gender relations in modern society. A number of articles are covered features of the analysis of gender issues in the social sciences and humanities. Authors are also interested in the socio-historical, political and legal basis of gender equality.

UDC 316

ISBN 978-80-7526-106-9

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.

© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. GENDER RELATIONS IN MODERN SOCIETY

- Анисимова Л. Ю.**
К вопросу о распределении гендерных ролей в домашнем труде 5
- Бобровская Е. О.**
Вариативность материнства и отцовства в XXI веке
(на материале повести М. Трауб «Плохая мать») 10
- Каримова Е. Е.**
Гендерная асимметрия и ее влияние на экономику 14
- Омарова П. М., Муслимова Н. М.**
Экспликация этнических стереотипов посредством антропонимов 18
- Турк С. Н.**
Трансформация гендерных отношений в современной
египетской семье 23

II. TOPICAL ISSUES OF GENDER PEDAGOGY

- Dubetska L. I.**
Optimization of the formation of gender competence of preschool-children
from orphanage 28

III. FEATURES OF THE ANALYSIS OF GENDER ISSUES IN THE SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- Акимова И. Ю.**
Гендерный подход при изучении рассказов И. А. Бунина
«Темные аллеи» и «Чистый понедельник» в школьной практике
(из опыта работы) 33
- Алиева Ш. А., Омарова П. М.**
Репрезентация ревности в английских и русских пословицах 38
- Божкова Г. Н., Ерофеева К. Л.**
Экзогенно-эндогенный преступный образ как особый тип
бунинского героя в рассказе «Дело корнета Елагина» 41

Воронова А. В.	
Развитие концепции архетипов в гендерной психологии.....	48
Деминова В. Ю.	
Идентификация пола лица как юридическое основание назначения уголовного наказания.....	53
Овсиенко Т. В., Абракова И. Ю.	
К вопросу о понятии гендера в лингвистике	57

IV. THE SOCIO-HISTORICAL, POLITICAL AND LEGAL BASIS OF GENDER EQUALITY

Мутиева О. С.	
Женский фактор в ремесленном производстве Дагестана (XIX – нач. XX вв.)	63
Чечельницкий А. А.	
Особенности реализации идеи гендерного равенства в спорте	67
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году	70
Информация о научных журналах	72
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	73
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	74

I. GENDER RELATIONS IN MODERN SOCIETY

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В ДОМАШНЕМ ТРУДЕ

Л. Ю. Анисимова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Россия*

Summary. The article examines issues related to the gender role equality. The research into support of gender division of household labor has been under attention by sociologists, gender researchers for decades. The cross-national research into the support of gender role equality lagged behind. The short review of scientific publications on this problem is given in the article. It has been concluded that attitude toward gender and household labor differ across the countries and the women are more progressive than men in attitudes toward gender and division of household labor.

Keywords: gender role; equality; female employment; breadwinner.

В настоящее время в мировой историографии, по мнению М. Кукарцевой, происходит «беспрецедентная экспансия феминистской и гендерной истории» [5, с. 18].

Проблематике асимметричного распределения гендерных ролей в семье посвящены многочисленные феминистские исследования, труды зарубежных социологов и экономистов. В рамках зарубежных социологических исследований осуществляется разработка типологий распределения гендерных ролей в семье. В России, как известно, гендерология находится в процессе становления и институционализации. Гендерные исследования носят полидисциплинарный характер. Следует отметить, что «проблемы домашнего труда довольно долго имели статус маргинальной темы для социологов» [1].

В 2000-е годы внимание зарубежных исследователей обращается к проблеме гендерного разделения домашнего труда с учетом кросс-национального контекста. Зарубежные ученые провели эмпирические исследования изменений гендерно-ролевых отношений и гендерного неравенства в странах Балтии и Восточной / Западной Германии [8]. В рамках теоретического подхода «гендерный уклад» (гендерный уклад как общая рамка, гендерная культура и гендерная система) Б. Пфау-Эффингер объяснил кросс-национальные различия социальных практик женщин (и мужчин) в западноевропейских странах, в том числе и в России [6, с. 30]. Так, например, на протяжении нескольких десятилетий послевоенной истории в развитых странах Европы и США доминировала модель семьи «мужчина-кормилец / женщина-домохозяйка», подчеркивалась важность сохранения

традиционной семейной структуры. Согласно данным исследования Б. Пфау-Эффингер, до 1960-х гг. «в Западной Германии не было активных действий с целью реализации женщинами возможности остаться дома и заниматься детьми независимо от кормильца семьи или вхождения в рынок труда» [6, с. 30]. При этом ученый обращает внимание на то, что в 1950-е гг. лишь половина женщин нанимались на работу, к концу 70-х гг. выросла доля женщин с неполным рабочим днем, затем рост замедлился.

В российском обществе гендерное разделение труда имеет свою специфику в силу сложности исторического и культурного влияния на гендерные практики. Например, в послевоенный период трудовая занятость занимала центральное место и считалась «обязанностью всех граждан». С одной стороны, материнство и воспитание детей были объявлены высшим предназначением женщины, а с другой, женщина должна была работать полный рабочий день на благо государства. При этом никто не отменял традиционную роль женщины, она по-прежнему сохраняла бремя бытовых обязанностей и уход за ребенком [9, с. 30]. Ряд зарубежных исследователей считают, что в основе советских гендерных стереотипов лежало эссенциалистское понимание идентичности, унаследованное от дореволюционного периода, несмотря на оптимистическую веру в социальную инженерию, которая официально признавала социалистический проект, официальную риторику о равных возможностях и полное участие женщин в рабочей силе [11]. Ученые пришли к выводу, что советские идеалы равенства полов были в большей степени частью постсоветского культурного контекста.

Внимание зарубежных исследователей направлено на изучение влияния исторических, политических и социально-культурных контекстов на отношение к семейным ролям мужчин и женщин.

В рамках сравнительного и макро-институционального подходов Т. Ма исследовала, в какой степени макро-структурные элементы влияют на отношение людей к гендерному разделению домашнего труда на микроуровне [9]. Для компаративного анализа было выбрано четыре страны (США, ФРГ, России и Японии), которые представляют отличительные социальные, политические и экономические системы, имеют совершенно разный исторический опыт и, следовательно, могут представлять значительное социальное, политическое и культурное разнообразие.

Исторически сложилось, что степень гендерного неравенства растет по мере развития общества и гендерное разделение труда различается в разных странах. Зарубежные исследователи обращали внимание на то, что мужчины являлись бенефициарами («выгодополучателями») гендерной иерархической системы, склонны проявлять традиционные взгляды и, как правило, менее подвержены эгалитарному разделению труда [9, с. 32].

Объем домашнего труда, выполняемый мужчинами и женщинами, является примером дифференциации гендерных ролей в семье. Многочисленные эмпирические исследования 70–80-х гг. XX в. доказывали, что в

большинстве семей, как в России, так в западных странах, сохранялось традиционное распределение бытовых обязанностей; домашний труд оставался преимущественно женским, независимо от того, вовлечена ли женщина в рынок труда или нет [1, с. 25]. Однако, согласно анализу литературы, проведенного Т.Ма, в США в период 1960–1990 гг. мужчины тратили вдвое больше часов на работу по дому, в то время как женщины сократили эту работу почти вдвое. Например, в 1965 году американские женщины тратили около 30 часов, выполняя неоплачиваемую работу по дому, в 1975 г. количество часов сократилось примерно до 24 часов, в 1985 г. – до 20 часов и 1995 г. – до 17,5 часа. По мнению исследователя, снижение количества часов на выполнение домашней работы у женщин произошло, в основном, за счет увеличения доли женщин, входящих в состав рабочей силы; повышения возраста вступления в брак; отложенного рождения первого ребенка на более поздний возраст; сокращения числа детей в семье [9, с. 29].

Для японского общества, например, всегда было характерно четкое гендерное распределение труда: мужчина – кормилец семьи, проводил более 60 часов на работе, женщина уделяла все свое время дому. Сегодня японские мужчины тратят на помощь по дому только 59 минут в день – это самый низкий показатель среди развитых стран (Франция – 136 минут, Германия – 164 минуты, Италия – 103 минуты, Великобритания – 150 минут, Швеция – 177 минут, средний показатель по ОЭСР – 131 минута) [2]. В Европе, в США и Японии из двух работающих супругов женщины расходуют больше времени на неоплачиваемый труд, в частности, воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. В среднем женщины посвящают в два раза больше времени работе по хозяйству и в четыре раза больше – заботе о детях, чем мужчины. В странах ОЭСР (Организация Европейского Экономического Сотрудничества) женщины ежедневно тратят примерно на 2½ часа больше на неоплачиваемый труд (включая работу по заботе о других), чем мужчины, независимо от состояния трудовой занятости своих супругов [3, с. 10]. В качестве определяющих факторов распространенности модели «двойной нагрузки» Ю. С. Задворнова называет следующие:

- профессиональный труд женщин – важный ресурс социально-экономического развития страны;
- профессиональная занятость обоих супругов – залог благополучия семьи;
- устойчивость в массовом сознании традиционных представлений о мужском и женском предназначении, «двойная занятость» женщины соответствует представлению о равноправии полов;
- государственная гендерная политика не в полной мере подкрепляет идеологию равноправия полов социальными технологиями достижения гендерного равенства [4, с. 156].

Спад экономической активности, безработица, существенное понижение реальной заработной платы содействовали переходу к модели семьи

«двух кормильцев/двух домохозяев» (работа по дому и наемный труд, основанный на неполном рабочем дне для матерей и отцов в равной мере разделенных между мужчиной и женщиной (как главами домохозяйства) [6, с. 30].

В 1990-е гг. в период экономического кризиса гендерные режимы стран Центральной и Восточной Европы были первыми, кто бросил вызов модели семьи «мужчина-кормилец», поощряя женщин работать вне дома [8, с. 59]. Эта модель корректировалась с целью экономической безопасности семьи. Примером может служить и сложная экономическая ситуация в России в 90-е гг. XX в. (деиндустриализация, постепенный отказ государства от своей монопольной власти над экономической и социальной жизнью, социальная напряженность, низкая рождаемость, большой процент разводов), что определенным образом повлияло на изменение гендерных отношений и привело к возврату модели семьи «мужчина-кормилец». Однако, при глубоком кризисе рынка труда, по мнению Б. Пфау-Эффингер, уход женщин в домашнее хозяйство, неполный рабочий день матерей не считался социально приемлемым решением [6, с. 30].

В.Эйнхорн в книге «Золушка идет на рынок» охарактеризовала возвращение к модели семьи «мужчина-кормилец/«женщина-домохозяйка», как «retraditionalization» (ре-традиционализм) (т. е. поощрение гендерного равенства в публичной сфере, но сохранение традиционных гендерных ролей в частной сфере), а эгалитаризм как «ложный» и «традиционный» [7, с. 45]. К авторам ре-традиционализма зарубежные исследователи (Баклей 1997, Гал и Клигман 2000, Джанерт 2000) относят реструктуризацию экономической системы, безработицу, социальную нестабильность. Как предсказывала В. Эйнхорн, возвращение к модели «мужчина-кормилец/«женщина-домохозяйка» может отрицательным образом отразиться на снижении уровня женской занятости и привести к более консервативным гендерным установкам [7, с. 45].

Аквиле Мошиджунати и Анка Хёне пришли к выводу, что социалистическое наследие не является определяющим фактором, формирующим гендерно-ролевые отношения (например, в проведенном исследовании восточные немцы выразили наиболее эгалитарные отношения, литовцы – традиционные). Зарубежные исследователи подвергают сомнению общее предположение, что различия между гендерно-ролевыми отношениями в Восточной и Западной Германии зависят от исторического опыта различных политических режимов. Гендерная асимметрия в разделении домашнего труда выше в тех странах, где оба супруга имеют равный доступ к власти и материальным ресурсам, чем в тех, где женщины более зависимы [9, с. 29]. Так, например, в США и в России женщины имеют относительно равный доступ к социальным и материальным ресурсам, а в Японии и Западной Германии гендерные отношения являются более традиционными [9, с. 29].

По мнению зарубежных исследователей, увеличение занятости женщин ставит под сомнение гендерное разделение труда по уходу за детьми. Хотя можно было бы ожидать, что увеличение трудовой занятости матерей приведет к более равномерному распределению родительских обязанностей между матерями и отцами, однако уход за детьми остается по-прежнему обязанностью женщины [10, с. 29]. Последние исследования показывают, что большинство семей ориентированы на эгалитарную модель отношений. Современные мужчины активно вовлекаются в практики отцовства. Существенный вклад женщин в экономическое благосостояние семьи являлся важным фактором, определяющим, как снижение власти мужа над женой, так и изменения в разделении домашнего труда между супругами. Однако занятость женщин вне дома слабо влияла на увеличение времени, затрачиваемого мужчиной на работу по дому. Связь между гендерно-ролевыми отношениями и гендерном неравенством в трудовой занятости была неустойчивой.

Таким образом, гендерное разделение домашнего труда зависит от национального контекста и разница в гендерном разрыве в пределах одного национального контекста отражает сложность институционального влияния на гендерные установки мужчин и женщин.

Библиографический список

1. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Принципы распределения труда между супругами современной городской семье // Экономическая социология. – 2001. – Том 2. – № 2. – С. 23–65.
2. Варламова М. А. Семейная политика в Японии // Демоскоп Weekly. – 2014. – № 589–590.
3. Женщины, труд и экономика. Макроэкономические выгоды гендерного равенства. Международный Валютный Фонд, 2013. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/sdn/2013/sdn1310r.pdf> (дата обращения: 15.02.2016).
4. Задворнова Ю. С. Трансформация моделей распределения гендерных ролей в современной провинциальной российской семье. Дис. на соиск.учен. степ. канд. соц. наук: 22.00.04. – Нижний Новгород, 2016. –191 с.
5. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. – М. : Канон +: РООИ «Реабилитация», 2012. – 432 с.
6. Пфау-Эффингер Б. Опыт кросс-национального анализа гендерного уклада // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 30.
7. Einhorn.B. Cinderella Goes To Market. Gender and Women’s Movements in East Central Europe. Verso. London – New-York, 1993. – p. 45.
8. Motiejūnaitė A., Höhne A. 2008. Gender-Role Attitudes and Female Employment in East/West Germany and the Baltic Countries. Stockholm University. Available at:www.diva-portal.org/smash/.../FULLTEXT01.p
9. Ma Tianyue. A Comparative Look at Attitudes toward Gender and Division of Household Labor in Russia, Japan, Germany and the United States. Journal of the Washington Institute of China Studies, Summer. – 2010. – Vol. 5. – No. 1. – P. 30.
10. Oláh, Livia Sz., Richter R., and Kotowska Irena E. The New Roles of Men and Women and Implications for Families and Societies. A project funded by European Union's Sev-

enth Framework Programme under grant agreement no. 320116// Families and Societies. Working Paper Series 11. – 2014. – P. 29.

11. White, A. Gender Roles in Contemporary Russia: Attitudes and Expectations among Women Students. Europe -Asia Studies. – May 2005. – Vol. 57. – No. 3. – Pp. 429–455.

ВАРИАТИВНОСТЬ МАТЕРИНСТВА И ОТЦОВСТВА В XXI ВЕКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М. ТРАУБ «ПЛОХАЯ МАТЬ»)

Е. О. Бобровская

Старший преподаватель,
Белорусский государственный
университет, г. Минск, Беларусь

Summary. The representation of motherhood and fatherhood in a modern Russian novel variable and in diverse. In this article we look at Roman M. Traub, which allows you to pay attention to some of the most important processes in modern society. The modern author expands our understanding of motherhood and fatherhood.

Keywords: femininity; masculinity; modern Russian literature; motherhood; fatherhood.

Тема материнства в русской литературе никогда не теряла своей актуальности, однако от однозначного восхваления матери, восхищения ею и преклонения перед ней ракурс представления этой роли в произведениях, написанных на рубеже XX–XXI вв., сместился к воссозданию многообразия вариантов.

Материнство – одна из ипостасей женственности, равно как отцовство – мужественности. Гармоничное существование личности предполагает адекватное исполнение различных социальных ролей, своевременный, быстрый и легкий переход от одной к другой, способность совмещать их, избегая конфликтов между ними.

Нас заинтересовали художественные произведения, содержащие в своем названии слово «*мать*». Образовался следующий список, который, естественно, можно дополнить: Ю. Бондарев «Мать» (рассказ, 1954 год написания), Я. Смеляков «Мама» (стихотворение, 1938 год опубликования) В. Вересаев «Мать» (рассказ, 1902 год написания), С. Есенин «Письмо к матери» (стихотворение, 1924 год написания), В. Закруткин «Матерь человеческая» (роман, 1975 год написания), Ю. Яковлев «Мама» (рассказ), М. Трауб «Плохая мать» (роман, 2010 год выхода), К. Шпиллер «Мама, не читай!» (2010 год выхода) Г. Щербакова «Дочки, матери, птицы и острова» (рассказ, 1996 год написания). Даже названия произведений отражают факт неоднозначного представления материнства в творчестве современных российских авторов, т. к. ранее заглавия в абсолютном большинстве случаев были единообразны и состояли из слова *мама* либо *мать*.

В статье мы решили подробно остановиться на повести М. Трауб «Плохая мать», позволив себе рассмотреть это произведение в качестве

модели отражения современной нам действительности, ведь «в художественных произведениях неизменно запечатлеваются (по воле автора или независимо от нее) константы бытия, его фундаментальные свойства» [2], а всё «то в людях, что определяется их полом (мужество, женственность) и возрастом (детство, юность, зрелость, старость)» [2] относится к «вечным темам литературы» [2].

Русские пословицы и поговорки транслируют ценности русской культуры, а именно: безграничную материнскую любовь и заботу (*Материнская душа кривая, материнская любовь слепая. Для матери плохих детей не бывает. Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет. Материнская ласка конца не знает*), жертвенность матери (*Ради деток мать готова себя продать*) и, как следствие, практически отсутствие плохих матерей (*Скверную мать трудно отыскать*). Современная проза, как женская, так и мужская, не всегда солидарна с данными постулатами: «*Есть люди, у которых нет музыкального слуха или напроць отсутствует умение решать математические задачи, но они ведь не виноваты в этом. А некоторые женщины от природы лишены чувств к своему ребенку, но разве можно упрекать их за это? Это не их вина, а их беда...*» (Олег Рой «Нелепая привычка жить»). Современный автор расширяет наше представление о женщине-матери, заставляя читателя искать новые ассоциации, а в некоторых случаях, формируя образы, противоположные традиционным.

Роман М. Трауб позволяет читателю обратить внимание на некоторые важнейшие процессы, происходящие в современном обществе.

Во-первых, это трансформация мужской и женской роли, начиная от их совмещения в одном герое или героине до обмена ими между персонажами разного пола.

Тот факт, что мужчина выполняет не свои обязанности, может быть продемонстрирован как во внешнем виде героя, так и в поведении, и в попытках полностью либо частично исполнять роль, не соответствующую его полу: « – Ну что? Что ты на меня уставилась? Да, я старый и страшный, – прикрикнул он, – как там Мария? – Замуж вышла, – ответила мама. Александр Маркович сел на стульчик в прихожей. – Судя по твоему тону, не за Георгия, – **совсем по-бабьи ахнул он.** – Не за него, – кивнула мама»; « – Я думал, он к матери поедет, а Гошенька... отказался. У него же даже девушки нет... Ольгуша, умоляю, смотри, чтобы он не наделал глупостей. **Александр Маркович сказал это так, как говорят мамы о своих малышах,** – как будто он боялся, что Гоша потянет в рот какую-нибудь гадость...»; «Он страдает оттого, что **не может лактировать,** и на время кормления вынужден выпускать дочь из рук»; « – Я думал, он придет учиться к тебе, у него все будет... не так, как у нас. Мы бы ему помогли, подсказали... [муж] – Он в любом случае может сюда приехать. [жена] – Да, ты права. Просто это такой удар. **Плохая из меня вышла мать.** [муж] – Ты хороший отец. Самый лучший. [жена]». В последую-

ших поколениях эта тенденция усугубляется: *«От матери Гоша перенял не только «девчью» внешность, но и женский характер. А точнее, отсутствие такового»*; *«Гоша был ласков, пуглив и впечатлителен, как девочка, о которой так мечтал Александр Маркович»*; *«Пока увлечения сына были тоже девчачьими»*; *«Но конечно, он [отец] не хотел вырастить из сына совсем уж девочку и дарил ему мальчишеские игрушки – машинки и солдатиков. Сын аккуратно складывал игрушки в ящик и забывал о них. Зато когда соседка принесла ему коробочку бисера, Гоша целый вечер, не поднимая головы, нанизывал бусинки на длинную нитку»*. Аналогичный процесс наблюдается и у героинь романа. Это может выражаться в совмещении мужских и женских функций, например, по внешнему виду героиня напоминает мужчину: *«Она приходила с работы и переодевалась в мужские тренировочные штаны – ядрено-синие, синтетические, со штрипками и дутыми коленками»* и также *«Мама позвонила в дверь. Ей открыла женщина. Мама ее сразу узнала, а та ее нет. Наташа совершенно не изменилась – с бородой, в синих мужских трениках и ярко-красных резиновых шлепках»*, однако обязанности выполняет женские: *«Наташа мне нравилась. Она была не такая, как все. Наташа готовила еду, стирала, мыла полы. Потом ложилась на диван – отдыхать. Она лежала, водила рукой по обоям и рассматривала потек на потолке или трещину на стене. Это занятие ей не надоедало»* либо в склонении кого-то к этому процессу: *«А тогда мама сказала: – Ты будешь работать, стоять на своих ногах. Будешь уметь делать все – готовить, вбивать гвозди, выкладывать печку, шить, вязать, клеить обои... Ты будешь уметь зарабатывать. Не будешь ни от кого зависеть»*. Иногда наблюдается полное отсутствие различий между мужчиной и женщиной *«Я дрожащими руками взяла фотографию. Разочарованию моему не было предела. В том месте, на которое показывала мама, стояли две плохо различимые напряженные фигурки, по просьбе фотографа плотно прижавшиеся друг к другу. Совершенно одинаковые люди, в штанах и блузках, с короткими стрижками. И не понятно, кто из них мужчина, а кто женщина. – А ты справа или слева? – уточнила я. – А? Справа. Кажется. – Мама взглядывалась в снимок и тоже гадала, кто из них кто»*.

Вторая важнейшая социальная установка – отрицание, обесценивание, неприятие некоторых ролей мужчины или женщины, поощрение одних функций за счёт отказа от других: *«Жена хотела сказать что-нибудь едкое в ответ, но благоразумно промолчала. Она больше не была его любимой женщиной. Она была матерью его обожаемого сына»*; *«От тебя требуется одно – ты будешь искать не мужа, а отца своим будущим детям. Ты выйдешь замуж за мужчину, который будет просить тебя родить ребенка. И будет готов снять с себя последнее исподнее ради вас. И будет смотреть на вас и плакать от счастья. Ты меня поняла?»*.

Третья общественная направленность, отраженная в романе М. Трауб, – частое невыполнение женщиной материнской роли, что раскрывает нежелание героини иметь детей или воспитывать их: «*Она боялась испортить голос, фигуру и карьеру. Говорила, что **не любит детей** и пока не готова к пеленкам*»; «– *А ваши дети не могут вас забрать? На время хотя бы, – спросила осторожно мама, – может, я им позвоню? – Нет, не надо, – отмахнулась Нонна, – я им не нужна сейчас. А тогда **они мне были не нужны**. Работа, работа, работа... сама виновата...*», либо отсутствие биологической возможности родить, выносить плод: «*Ася говорила, что сбежала от публики... Поклонники, читатели, несчастная любовь, разбитые мужские сердца и преданный муж, который требовал жареной курицы и детей. Ася не могла ему дать ни первого, ни второго. Готовить она не умела **и рожать не могла***. «Пустоцвет», – говорила она о себе. В селе считали, что муж ее бросил именно из-за этого»; «*На самом деле мужчина был женат. **Детей Бог не дал, а дал Лору [собаку]**. Дома жена медленно сходила с ума – от одиночества, невостребованности и тоски – и сводила с ума его*»; «– *Девочка не захотела расти. Я не знаю почему. Росла, росла в животике и перестала. У нее сердечко перестало биться. – А у взрослых детей так бывает? – испуганно спросила я. – Нет, – улыбнулась Катя. – Ты вырастешь большая и красивая*»; «– *Она детей не могла иметь. Лечилась, чего только не испробовала – к камням прикладывалась, к источникам целебным ездила. Все без толку, – отвечала хоровичка*».

Четвёртая тенденция – распространённый конфликт между ролью деловой женщины и ролью матери либо бабушки: «*...Мама была вынуждена выживать в столице. Две работы, дежурства... – Помоги мне! Приезжай, посиди с Машей! – звонила мама бабушке. – Я не могу! Я номер в печать сдаю, а потом уезжаю на два дня на интервью! – кричала, потому что было плохо слышно, ей в ответ бабушка. – Какой номер? Какое интервью? – злилась мама. – Я прошу тебя посидеть с внучкой! Ни о чем не просила!*»; «*Бабушка, конечно же, не бросила работу. Я путалась под ногами или в редакции, или в типографии. Иногда она забрасывала меня в расположенную рядом с редакцией парикмахерскую, где работал Казбек, Казик. Ее давний, еще с войны, друг*»; «*Бабушка тогда сделала то, чего не делала никогда, – пошла наперекор принципам и воспользовалась своими многочисленными связями ради того, чтобы достать путевку в такое место, где дети ходят в школу, за ними присматривают, кормят и занимают их досуг. Место, куда можно отправить ребенка на подольше, чтобы не мешал взрослым разбираться с работами и личной жизнью*».

Пятая общественная устремленность – сохранение традиционных ролей матери и отца: «*Это совершенное, абсолютное счастье. Только сейчас я понемногу прихожу в себя и не боюсь его спугнуть, готова им делиться. Мне нравится быть мамой. Просто мамой. Я хочу быть хорошей,*

самой лучшей. Очень стараюсь»; «Начальник уже имел и мальчика, и девочку – от законной супруги – и больше никого не хотел. Если честно, то очень не хотел, поскольку отцовство не доставляло ему никакого удовольствия. Сын без конца кланчил деньги, дочь недавно обнаружилась в «плохой» компании».

Символично, что роман, описывающий вариативность материнской и отцовской функций, заканчивается монологом любящей матери. Героиня собирается воспитать сильную дочь, однако мечтает, чтобы та смогла быть слабой: «Я прошу для своей дочери только одного. Чтобы судьба позволила ей быть слабой женщиной, которая будет все уметь, но ей никогда не придется этим воспользоваться. Женщиной, которая сможет позволить себе просто быть любимой женой. А я буду самой лучшей мамой на свете, чтобы все это сбылось».

Библиографический список

1. Трауб М. «Плохая мать». URL: <http://e-libra.ru/read/221857-ploxaaya-mat.html> (дата обращения: 01.05.2016).
2. Хализев В. Е. Теория литературы. URL: http://modernlib.ru/books/halizerov_v/teoriya_literaturi/read (дата обращения: 01.05.2016).

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ

Е. Е. Каримова

Студентка,
Алтайский филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ,
г. Барнаул, Алтайский край, Россия

Summary. The article is devoted to the definition of "gender asymmetry" and assess the impact of gender inequality on the global economy.

Keywords: gender asymmetry; gender equality; gender inequality.

Одной из наиболее актуальных проблем на сегодняшний день является проблема равенства прав и возможностей между мужчинами и женщинами. Даже в современном мире женщины остаются жертвами «гендерной асимметрии» и данная проблема актуальна не только для развивающихся стран и стран, где культивируется определенное отношение к женщине, но и в целом для мирового сообщества.

Гендерная асимметрия – непропорциональные взгляды на социальные и культурные роли обоих полов (а также представлений о них) в разнообразных сферах жизни.

Проблему гендерной асимметрии наблюдают также в РФ и относят к числу серьезных, мало изученных и имеющих свою актуальность. Она связана с тем, что одно из основных для общества социальных неравенств сегодня переживает стремительные изменения, которые оказывают влияние и на статусно-ролевую дистрибуцию общества в целом. Классические образцы полоролевого разделения труда, детерминированного гендерными стереотипами, сегодня кардинально меняются. Но сама трансформация не закончилась. Поэтому на структуру гендерных отношений также оказывают влияние и прежние (патриархальные) нормы и вновь появляющиеся социальные связи.

Гендерное неравенство сильно замедляет развитие общества, что проявляется в следующих тяжелых последствиях: растут издержки благополучия и управления, снижается производительность труда, замедляется экономический рост.

Кратко экономические и демографические потери от гендерного неравенства представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Влияние гендерного неравенства на экономические и демографические потери

Факторы неравенства между полами	Влияние гендерного неравенства на экономические и демографические потери
Низкий уровень образования женщин, неравенство в доходах и в принятии домохозяйственных решений.	Увеличивает смертность в младенческом и детском возрасте. Сохраняет высокий уровень рождаемости при низком уровне жизни в странах с расширенным воспроизводством. Снижает уровень образования, инвестирование в человеческий капитал детей.
Предпочтение рождения сыновей в условиях гендерного неравенства.	Повышает медицинские затраты, увеличивая селективные по полу аборты. Приводит к неравномерному соотношению полов.
Гендерное неравенство в образовании и уровне занятости.	Повышает возможность потерь в национальном доходе. Замедляет технологическое развитие. Уменьшает рост доходов на душу населения. Развивает распространенность ВИЧ-инфекции (в африканских странах).
Домашнее насилие.	Увеличивает людские потери, понижает производительность труда; повышает затраты на оказание помощи, медицинских услуг, социальные программы, на смену места жительства, затраты на содержание полиции и другие правоохранительные органы.
Низкое представительство женщин в органах управления и власти.	Не позволяет появляться новым, альтернативным способам управления. Повышает уровень коррупции государственных чиновников и криминальности бизнеса.

Гендерный разрыв в оплате труда, неоплачиваемый домашний труд.	Приводит к недоучету вложений в ВВП, снижает экономические рейтинги страны. Повышает бедность, особенно «женских» типов домохозяйств. Увеличивает рост затрат домохозяйств на дошкольные учреждения.
Гендерное неравенство в распределении бюджетов времени, патриархатное распределение гендерных ролей.	Воспроизводит неправильное разделение труда в высокотехнологичной экономике; снижает объем конечной продукции; сужает предложения на рынке труда. Приводит к неэффективным технологиям в домашнем хозяйстве. Снижает рождаемость в странах с суженным воспроизводством.

Проанализировав таблицу 1, можно сказать, что гендерная асимметрия негативно сказывается на развитии страны и экономики в целом, поэтому необходимо развивать гендерное равенство.

Гендерное равенство является важнейшим аспектом жизни в демократических западных странах, где женщины и мужчины имеют одинаковые возможности и обязанности в разных сферах жизни. Независимо от гендера, люди имеют одинаковые права при трудоустройстве, поэтому они могут успешно сочетать семейную жизнь и карьеру.

Гендерное равенство можно считать одним из важных приоритетов в работе крупных международных компаний. Такие сообщества, как ООН, ОЭСР, ЕС, МОТ и другие считают эту проблему как одну из главных на современном этапе развития общества. Равенство полов рассматривается как непосредственная составляющая нормального развития экономики любой страны [2].

Современная женщина продукт женского самотворчества. Она может быть независимой во всех сферах жизни: самостоятельно планировать собственную жизнь, получать высшее образование и право на трудовую деятельность, сама решать выходить ли ей замуж или жить в гражданском браке, выбирать себе мужчину, иметь право на сексуальную свободу и контролировать рождаемость. Женщина смогла быть еще красивее с помощью новых медицинских технологий. Она старается шагать в ногу с новой эпохой, эпохой прорыва в истории женщин. Женщина научилась быть не только мудрой, но и умной. Все в существование женщины стало предметом выбора, ей никто не запрещает заниматься какой-либо деятельностью, никто и ничего не принуждает ее занимать определенное место в социальной среде. В современном мире женщина становится равной с мужчинами [1].

Многочисленные современные исследования подтверждают, что чем больше участия принимает женщина в социально-экономической жизни, тем значительно выше экономические результаты и на уровне отдельно взятой компании, так и общества в целом. В 2014 году банк Credit Suisse проанализировал гендерную ситуацию в руководстве 3000 компаний: и

выяснил, что компании, у которых было смешанное руководство, имели более высокие показатели на фондовом рынке. Также мировое исследование Thomson Reuters в том же году выяснило, что компании, у которых не было в штате женщин, имели худшие показатели. Но естественно, важно понимать причинно-следственную связь: показатели повышает не механическое включение женщин в советы директоров, а правильная, взвешенная политика управления человеческим капиталом, которая приводит к тому, что на должности назначаются лучшие кандидаты. Поэтому, присутствие женщин в руководящих органах компаний и государств, как правило, означает, что какие-то определенные элементы такой политики в организации присутствуют [4].

Согласно докладу McKinsey&Co, гендерное равенство могло бы повысить мировой ВВП на 26 % или \$ 28 трлн. к 2025 году. Сейчас женщины генерируют только 37 % мирового ВВП, хотя они составляют половину населения. Экономист инвестбанка Goldman Sachs выявил, что преодоление гендерного неравенства в США увеличит ВВП страны на 9 % [3].

С помощью устранения гендерного разрыва в любых областях социальной среды, можно уменьшить социальную напряженность, обеспечить стабильность государственной финансовой системы, используя при этом женский потенциал. Но чтобы решить данную проблему, обеспечить гендерное равенство, необходимо подходить к ней комплексно. Поскольку для современного мира гендерное равенство с экономической точки зрения выгодно, в него необходимо инвестировать. Например, можно создавать равные образовательные возможности, стимулировать равное распределение усилий по уходу за детьми между мужчинами и женщинами, стимулировать равные возможностей карьерного развития.

Для решения проблем связанных с гендерным неравенством, прежде всего, необходимо перспективно планировать рынок труда, обеспечивать непрерывное образование трудящихся с учетом потребностей экономики в квалифицированной рабочей силе, а также совершенствовать меры по созданию благоприятных условий для сочетания профессиональных и семейных обязанностей. Такие меры, на наш взгляд, должны быть включены в коллективные договоры и соглашения. Чем раньше общество начнет решать данную проблему, тем легче будет перестроиться на «гендерное равенство» и тем самым ускорить развитие экономики.

Библиографический список

1. Лысенко Л. М., Крякина Е. А. О роли женщины в современном обществе // The theory and practice of gender studies in world science : materials of the VI international scientific conference on May 5–6, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». 2015. – 84 p. – P. 39–43.
2. Мортовик Р., Спант Р. Способствует ли равенство полов экономическому росту? // Problemes econ., 2013. – С. 46–48.

3. Римашевская Н. М., Самарская Е. А. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов. – М. : МАКС Пресс, 2014. – 768 с.
4. Силласте Г. Гендерная асимметрия в российской системе высшего образования и её возможные социальные последствия в условиях перехода к рыночной экономике. – М.: ФА, 2002.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ПОСРЕДСТВОМ АНТРОПОНИМОВ

**П. М. Омарова,
Н. М. Муслимова**

*Кандидат филологических наук,
магистрант,
Дагестанский государственный
университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

Summary. The article studies the use of anthroponyms for explication of ethnic stereotypes in the novel “Bridget Jones’s Diary” by H. Fielding. The role of proper names for better stereotyping of characters, as well as for creating the humorous tone in the novel is revealed.

Keywords: ethnic stereotype; anthroponym; realia; onomastics; culture specific.

Этнические стереотипы наиболее полно возможно изучить с помощью лингвистических средств, так как именно в языке отражаются особенности лингвокультуры: обычаи, история, традиции. В языке в форме культурных констант устойчиво проявляются представления о своем и чужом народе, в формировании которых активно участвует не только языковое, но и этническое сознание и самосознание.

В формировании стереотипа исследователи отмечают роль частоты встречаемости каких-либо объектов, приводящие к более продолжительным контактам именно с данными объектами и к их стереотипизации. Например, наиболее распространенные имена могут характеризовать стереотип народа. По мнению С. Стерлигова, «ассоциации, связанные с антропонимами, несут важные фоновые знания, определяют семантику и прагматику описываемых единиц. Эти ассоциации настолько устойчивы и социально значимы для языкового коллектива, что они становятся своеобразными символами» [3, с. 131].

Интенсивное развитие лингвокультурологии обусловило повышение интереса к изучению ономастики. Роль ономастических реалий в художественном тексте значительна, так как выбор конкретных ономастических единиц отражает особенности авторского мышления. Культурно значимые антропонимы не только являются средством художественного образа, но и несут дополнительную смысловую нагрузку, представляющую результат личностного и социокультурного опыта писателя. Ю. А. Рылов связывает всплеск интереса к именам собственным, и особенно к антропонимам, с

антропоцентрической парадигмой современного языкознания, предполагающей, по мнению ученого, «анализ именовании человека с целью познания его носителя» [2].

По мнению Е. Бартминьского, одним из источников реконструкции этнических стереотипов являются конкретные тексты, содержащие данные стереотипы [1, с. 163].

Роман «Дневник Бриджит Джонс» был опубликован в 1996 году, то есть, действие романа приходится на конец XX века. В то время после небольшого спада в экономике в 1993 году в Великобритании началось постепенное возвышение на личное потребление и экспорт. Экономика стабилизировалась, уменьшилась безработица, а в области культуры Великобритании беспрепятственно стремилась вверх.

Используя антропонимы в своем романе, Хелен Филдинг добавляет больше комичности своим героям, отчего в целом роман снабжается ироничным и временами циничным юмором. Данные имена сами по себе не являются символами в языке, но в романе «Дневник Бриджит Джонс» они выступают средством характеризующим стереотипы английской жизни и культуры, начиная с истоков прошлой Англии и заканчивая Великобританией конца XX века.

'Why don't I get you a little suitcase with wheels attached. You know, like air hostesses have.'

'I've already got a bag.'

*'Oh, darling, you can't go around with that tatty green canvas thing. You look like some sort of **Mary Poppins** person who's fallen on hard times.* (Здесь и далее примеры на английском приводятся по [5]).

– *Почему бы мне не купить для тебя маленький кейс на колесиках? Знаешь, такой, какие бывают у стюардесс.*

– *У меня уже есть сумка.*

– *О, дорогая, ты не должна ходить с этой зеленой холщовой индийской тряпкой. Ты похожа на **Мери Поппинс**, переживающую не лучшие времена.* (Здесь и далее примеры на английском приводятся по [4]).

Достаточно вспомнить образ Мери Поппинс, чтобы понять, почему Бриджит Джонс сравнивается с ней. Это непримечательная и строгая воспитательница с большой старомодной сумкой и зонтиком, и здесь очевидно, что мать намекает не только на нелепую сумку Бриджит, но и на ее скудную личную жизнь.

Бриджит впервые встречает Марка Дарси, которому Хелен Филдинг дала не только фамилию мистера Фицуильяма Дарси из знаменитого романа «Гордость и предубеждение» Дж. Остин, но и некоторые качества самого героя, забавляя тем самым свою героиню Бриджит:

*It struck me as pretty ridiculous to be called **Mr Darcy** and to stand on your own looking snooty at a party.*

Это показалось мне довольно забавным – именоваться *мистером Дарси* и при этом стоять в сторонке, высокомерно поглядывая на других гостей.

Интересен тот факт, что мистера Дарси в сериале «Гордость и предубеждение», обсуждаемый в романе героинями, сыграл актер Колин Ферт, впоследствии сыгравший Марка Дарси в одноименном фильме.

<...> *Sometimes you have to sink to a nadir of toxic fat envelopment in order to emerge, phoenix-like, from the chemical wasteland as a purged and beautiful Michelle Pfeiffer figure. Tomorrow new Spartan health and beauty regime will begin.* /

Иногда необходимо дойти до крайней, токсической степени ожирения, чтобы затем возродиться из пепла, как птица Феникс, очищенной, со стройной фигурой Мишель Пфайффер. С завтрашнего дня начинаю соблюдать спартанский режим красоты и здоровья”

Мишель Пфайффер для Бриджит является эталоном женской красоты, учитывая тот факт, что известная актриса в 80–90х годах находилась в списке самых сексуальных женщин в мире.

Jude just rang up from her portable phone in flood of tears <...> as she was about to burst into tears and was now trapped in the ladies' with Alice Cooper eyes and no make-up bag.

Только что по мобильному позвонила Джуд, обливаясь потоками слез, <...> поскольку она еле-еле сдерживала слезы, а теперь она сидит в женском туалете, как в ловушке, у неё глаза, как у Элиса Купера, и нет с собой косметички”

Сходство плачущей Джуд с американским рок-певцом Элисом Купером в том, что у артиста всегда густо подведены глаза черной тушью.

В ходе исследования антропонимов было выявлено несоответствие в оригинальном языке и в переводе на русский язык.

<...> *looking at me over the computer with not so much ‘come-to-bed’ as just ‘come’ eyes, and now suddenly you’re Jeremy Paxman.*’

<...> *смотришь на меня поверх компьютера таким взглядом, который говорит не просто «пойдем в постель», а прямо-таки «иди сюда», а теперь ты у нас Маргарет Тэтчер.*

Переводчик А. Москвичева заменила британского журналиста Джереми Паксмана, написавшего книгу «Англия: Портрет народа», на Маргарет Тэтчер. Джереми Паксман – известный, скандальный журналист Великобритании, отличающийся провокационными и обличительными речами, часто приправленными колкими словами, а порой и вовсе оскорблениями политических деятелей и журналистов, за что неоднократно осуждался прессой и народом. Его нередко называли расистом и провокатором. Даниел Кливер, назвав Бриджит Джереми Паксманом, имел в виду ее агрессивное поведение, когда она осыпала его обличительной речью и обвинениями в «запудривании мозгов» (I am not into *emotional fuckwittage*).

Хелен Филдинг, выбрав Джереми Паксмана в качестве антропонима, удачно поместила его в эту ситуацию для описания состояния Бриджит. Тем самым Хелен Филдинг не только посмеивается над своей героиней, но и подшучивает над Джереми Паксманом. Сравнив его с женщиной, она высмеивает его провокационное поведение и тем самым умаляет его образ вплоть до комичного персонажа.

Возможно, А. Москвичева заменила Джереми на Маргарет Тэтчер по причине малоизвестности журналиста в России. Маргарет Тэтчер получила прозвище «железной леди», поэтому можно предположить, что используя ее имя, А. Москвичева стремилась передать агрессивно-настроенное состояние Бриджит. Но, тем не менее, нельзя сказать, что замена удачна, ибо в данной ситуации главная героиня выходит из себя, осыпав Даниела оскорблениями и обвинениями. Подобное поведение не совсем соответствует образу Маргарет Тэтчер, но идеально сопоставляется с провокатором и скандалистом Джереми Паксманом.

Это не единственный случай замены малоизвестных в мире личностей на более известных.

*Anyway, guess what, darling,' she said, turning, holding the kettle, dropping her eyes modestly, then looking up, beaming like **Bonnie Langford** about to embark upon a tap-dancing routine.*

*Ладно. Знаешь что, дорогая? – она обернулась, а потом взглянула на меня, искрясь, словно **Ширли Темпл**, готовая привычно отбивать чечетку.*

Английскую танцовщицу Бонни Лангфорд, известную благодаря роли в сериале «Доктор Кто», переводчик заменяет на актрису Ширли Тэмпл. Так, смысловая нагрузка рассеивается, если в качестве антропонима взять актрису, ибо автор сравнивает танец матери Бриджит с танцем знаменитой танцовщицы.

'Good God,' said Tom when I arrived.

'What?' I said. 'What?'

*"Your face. You look like **Barbara Cartland**."*

– Боже мой, – опешил Том, когда меня увидел.

– Что? – испугалась я. – Что?

*– Твое лицо. Ты похожа на **Барбару Картленд**.*

Разумеется, сложно оценить иронию и юмор Хелен Филдинг, не зная личностей, используемых ею в качестве антропонимов. Барбара Картленд – известная английская писательница. В данном эпизоде Том сравнивает лицо Бриджит с лицом писательницы, которая использовала очень много косметики. С ярким макияжем Бриджит смотрелась нелепо и смешно, и возможно Хелен Филдинг пытается уберечь читательниц от «боевого раскраса», высмеив свою героиню в этой ситуации.

*'The whole bloody world's got a commitment problem,' growled Sharon in a guttural, almost **Clint Eastwood** voice.*

*Весь этот проклятый мир страдает от проблемы неспособности к действию, – рычала Шерон таким голосом, что получалось очень похоже на **Клинта Иствуда**.*

Голос Клинта Иствуда – американского киноактера, режиссера и продюсера – близок к баритону. Можно предположить, что сходству голоса способствуют сигареты, которые все время курит Шэрон.

*It was my mother, done up like **Marianne Faithfull** and about to interview **Alan Yentob**.*

*Там стояла мама, одетая, как **Марианна Фэйтфул**. Она собиралась брать интервью у **Алана Йентоба**.*

Внешний вид британской певицы Марианны Фэйтфул почти всегда подчеркнуто-строгий и элегантный: певица обычно облачается в костюмы и платья, украсив голову широкополой шляпой. Чтобы не пускаться в длительные описания внешнего вида матери Бриджит, Хелен Филдинг привела в пример Марианну Фэйтфул и, тем самым, показала всю картину.

*Smoking was v. bad. Apparently there is a **Martin Amis** character who is so crazily addicted that he starts wanting a cigarette even when he's smoking one.*

*Ужасно много курила. В одной книге **Мартина Эмиса** есть персонаж, заядлый курильщик, который хочет закурить сигарету даже тогда, когда еще не докурил предыдущую. Будто с меня списан.*

Мартин Эмис – английский прозаик и критик, персонажи которого не являются идеальными, а, напротив, воплощают в себе все отрицательные качества и пороки.

*For a second she looked frightened, as if she was going to cry, then, her eyes fixed on the middle distance, she adopted her wounded **Princess Diana** look.*

*На секунду мне показалось, что она испугана, как будто вот-вот расплечется, но затем мама устремила взгляд вдаль и приняла вид оскорбленной **принцессы Дианы**.*

Сравнивая свою мать с принцессой Дианой, Бриджит имела в виду умение держать себя в руках и не поддаваться эмоциям.

*Christmas is like war. <...> Aargh – field telephone. Humph. It was Mum but might as well have been **Goebbels** trying to rush me into invading Poland.*

*Рождество похоже на войну. <...> Ах-х-х – полевой телефон. Уф. Это была мама, но с тем же успехом это мог быть **Геббельс**, пытающийся сослать меня в захваченную Польшу.*

Йозеф Геббельс, чье имя используется в качестве антропонима, был государственным и политическим деятелем нацисткой Германии, рейхсминистром народного просвещения и пропаганды Германии. Его имя стало даже нарицательным, и связывают до сих пор с циничной беззастенчивой пропагандой. Прибегнув к такому яркому сравнению, Бриджит пытается описать свою невозмутимую маму, собирающуюся праздновать Рождество как обычно в семейном кругу, забыв о своем аресте и побеге от мужа.

Антропонимы, используемые в романе, знакомят читателя с английской жизнью и культурой, если не учитывать несоответствия при переводе романа. Если читатель знаком со всеми приведенными примерами в качестве антропонимов, то сможет уловить и понять британский юмор, который кроется в этом романе благодаря этим сравнениям. Роман рассчитан на британскую аудиторию, поэтому российскому читателю многое может показаться непонятным и несмешным, если не знать личностей, используемых в качестве антропонимов Хелен Филдинг.

Таким образом, предпринятый анализ используемых в романе Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» культурно значимых антропонимов показывает, что данные единицы языка и культуры выполняют в тексте несколько функций, являясь одновременно важным средством создания образов, а также ключом к экспликации этнических стереотипов.

Библиографический список

1. Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М., 2005. – 527 с.
2. Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках: Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. – 313 с.
3. Стерлигов С. Г. Немецкая антропонимика как лингвострановедческая проблема // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского, 2003. – С. 131–137.
4. Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс. – М., 2007. – 352 с.
5. Fielding H. Bridget Jones's diary. – Basingstoke and Oxford: Picador, 2001. – 157 p. URL: [http://www.kkoworld.com/kitablar/Helen Fielding – Bridget Jones's Diary.pdf](http://www.kkoworld.com/kitablar/Helen%20Fielding%20-%20Bridget%20Jones's%20Diary.pdf)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕГИПЕТСКОЙ СЕМЬЕ

С. Н. Турк

*Кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Кубанский государственный аграрный
университет, г. Краснодар, Россия*

Summary. The article examines the main trends in the transformation of the Institute of marriage and family in modern Egypt. Given the current characteristics of Egyptian families, due to the profound socio-cultural processes in society. Examines gender relations in modern society in the context of globalization.

Keywords: the institution of family; marriage; patronimiya; patriarchal family; nuclear family; divorce; monogamy; polygamy; the Quran; the sharia; the transformation of the family.

Семья является одним из важных социальных институтов арабского общества. Арабская патриархальная семья (аила) – это, как правило, слож-

ная семейная структура, включающая в себя несколько поколений членов одной семьи, объединенных родственными узами по мужской линии. Все они достаточно крепко связаны между собой [9, с. 147].

У арабов сохраняется патронимия-наименование по отцу, доминирование мужского по отцу рода. Патронимия представлена группой родственных больших и малых семей, имеющих определенное хозяйственное, общественное и идеологическое единство [2, с. 56].

Арабская семья отличается консерватизмом и традиционностью, что поддерживается стереотипами поведения, ценностными ориентациями и установками, религиозными обрядами.

Масштабные социокультурные изменения, происходящие в египетском обществе в последние десятилетия, находят отражение в трансформации институциональных форм семейной жизни и моделей гендерного поведения. Во второй половине XX – начале XXI вв. процессы индустриализации и урбанизации привели к разрушению большой патриархальной семьи и к преобладанию малой городской нуклеарной семьи “усра”, которая строится на моногамных отношениях и состоит только из отца, матери и детей [9, с. 148].

Многие функции претерпели серьезные гендерные изменения. Большую роль сыграла эмансипация женщин, обретение ими экономической самостоятельности, все более активное вовлечение их в производство, в политическую и культурную жизнь [1, с. 41].

В последние десятилетия в развитии института семьи появились новые тенденции:

- ослабление абсолютной власти отца и мужа: формируются семья, члены которой сильнее интегрированы в духовной и социальной жизни;
- нивелируются половое разделение труда;
- растет влияние женщин на формирование семейных и супружеских отношений по мере увеличения ее вклада в семейный бюджет;
- среди образованной или обучающейся молодежи наблюдается отсрочка брачного возраста, что вместе с другими причинами сказывается на сокращении количества детей;
- происходит повышение брачного возраста, что способствует уменьшению числа детей в семье;
- формируются новые привычки, идеалы, желания и цели, все чаще осуществляемые обоими партнерами совместно, например, совместный отдых, удовлетворение культурных интересов, выполнение общественной деятельности; благодаря этому в отношениях между полами развивается настоящее партнерство [8, с. 123].

Арабским женщинам запрещается выходить замуж за мужчин других национальностей, и в частности коптов, а в то же время арабским мужчинам разрешено брать в жены женщин любых национальностей.

Это связано с тем, что у египтян нет как таковой фамилии, а к своему имени добавляется имя отца, и это происходит только по мужской линии. Поэтому для сохранения рода женщина египтянка и не может выходить замуж за мужчин других национальностей.

Постепенно теряет свою актуальность проблема полигамии. Согласно Корану, мужчине можно иметь до четырёх жен. Это право ему дано Кораном: «...и женитесь на тех женщинах, что приятны вам – двух, трех или четырех...» [4, 4:3], однако там же ставится условие: «А если боитесь вы, что не будете одинаково справедливы [к ним во всем], то – на одной...» [4, 4:3].

К числу основных причин распространения полигамии можно отнести: вероятность иметь много сыновей – защитников и наследников имущества отца; добавочные рабочие руки; удовлетворение сексуальных потребностей при существующем табу на период беременности и родов.

Последний из указанных аргументов можно рассматривать как весьма гуманный в отношении женщины: беременная, рожаящая женщина получала таким образом свободу от супружеских обязанностей на период от 24 до 36 лунных месяцев, поскольку материнство (беременность, роды, кормление, уход за новорожденным и пр.) отнимают, как известно, у женщины много сил [6, с. 96].

Еще в XIX в. французский путешественник Клот-бей констатировал: “У египтян большей частью, по одной жене ... Сверх того, содержание большого гарема требует огромных издержек и доступно только богачам: вот почему многоженство встречается только в высших кругах общества” [5, с. 269].

Шариат не призывает к полигамии. А наоборот, рассматривает это скорее как исключение, так как «Вы никогда не сможете быть справедливыми к нескольким женам, даже если очень постараетесь» [4, 4:129].

По исламу египтянин имеет право официально иметь 4 жены. В 2011 году вышла книга египтянина Ихэб Маавуда с названием «Я женюсь снова». Сам автор согласен с мнением мужчин, но многие египтянки заявили, что не хотят иметь «полмужчины» и осуждают женщин, которые выходят замуж за женатых мужчин.

Каноны исламского законодательства о браке исходят из того, что наиболее разумным, соответствующим религиозным представлениям о богобоязненности и благочестии является моногамный брак. Сегодня далеко не каждый араб может позволить себе многоженство. В Египте количество полигамных браков не велико и составляет по неофициальным данным около 5 %.

Поэтому семья, состоящая из одного мужа, нескольких жен и гарема – привилегия состоятельных людей. К тому же перспектива выплачивать алименты нескольким женщинам уменьшает в целом количество полигамных браков.

Еще в 1979 году, во времена правления Анвара Садата, был принят закон-декрет о внесении поправок в законодательство о разводах, называемых в народе "Законы Джихан" (по имени жены президента), в которых официально многоженству ставилась некая преграда. Жениться второй раз муж мог только с письменного разрешения первой жены [7].

Но этот закон просуществовал недолго.

В 1985 году в правлении Х. Мубарака Верховный Конституционный суд отменил этот закон, сославшись на то, что он был принят не по конституционным правилам.

Согласно египетским законам муж должен уведомить жену в случае его повторной женитьбы. В такой ситуации первая жена имеет право подать на развод. Развод в Египте – явление все еще редкое. Для мужчины это большие расходы как на бывшую жену, так и в перспективе на новую. Значительно выгоднее сохранить брак и заключить второй, если первая жена не будет против.

В Египте, по новому закону о брачном контракте, принятому в 2000 г., женщинам предоставлено право развода, аналогичное тому, какое традиционно принадлежит мужчинам.

Египетский парламент (Народное собрание) в ходе ожесточенных дебатов принял закон, в соответствии с которым египетские женщины получили право инициировать бракоразводный процесс, мотивировав его несовместимостью характеров и невозможностью дальнейшего совместного проживания (иск должен быть рассмотрен в течение трех месяцев). Это новая юридическая акция получила наименование "hula – хула", т. е. развод по инициативе жены [9, с. 163]. Правда, в этом случае сохраняется существенная оговорка: женщина должна вернуть махр, т. е. выкуп, который будущий муж в свое время уплатил родителям невесты.

Так как появлению закона содействовала жена экс-президента Мубарака, в народе среди недоброжелателей прежнего режима он получил название "Закон Сюзанны Мубарак", по аналогии с законом первой леди Джихан Садат.

По старому закону мужчинам предоставлялось одностороннее и безусловное право развода с женой, тогда как женщинам приходилось преодолевать большие трудности, чтобы получить развод через суд и добиться решения об алиментах [3, с. 124]. Женщине, подающей на развод, нужно было еще доказать факты плохого обращения со стороны мужа (процедура весьма сложная и запутанная, бывало, что женщины по 10 лет ожидали разрешения бракоразводной тяжбы). Предлагаемые поправки существенно упрощают процедуру развода для женщин.

Таким образом, институт семьи переживает «модернизацию», которая является закономерным следствием общественного прогресса и глобализации и носит в целом прогрессивный и позитивный характер, так как

обеспечивает свободу выбора семейного поведения и способствует гендерному равенству, который объявляется одним из «прав человека».

Однако, несмотря на происходящие социальные изменения, семья как наиболее устойчивая социальная структура сохраняет свою жизнестойкость, переходя при этом из одного качественного состояния в другое.

Библиографический список

1. Абрамова И. О. Много ли египтян в Египте // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 5.
2. Бибикова О. П. Арабы. Историко-этнографические очерки. – М., 2008
3. Гендерные проблемы и развитие. Стимулирование развития через гендерное равенство в правах, в доступности ресурсов и возможности выражать свои интересы. – М., 2001.
4. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – М., 2000.
5. Клот-бей А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. – СПб., 1842. Ч.1
6. Крылова Л. Н. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. – М., 1996.
7. Неклюдова О. Через тернии к праву на развод. "МК в Египте", № 15 (045), 21 августа – 3 сентября 2011 года. <http://mkegypt.net/semya/956-15-045-2011>
8. Timm K. Frau und Familie im neuen Ägypten // Timm K., Aalami Sch. Die muslimische Frau zwischen Tradition und Fortschritt. Frauenfrage und Familienentwicklung in Ägypten und Iran. В., 1976.
9. Шагаль В. Э. Арабский мир: Пути познания: Межкультурная коммуникация и арабский язык. – М., 2001.

II. TOPICAL ISSUES OF GENDER PEDAGOGY

OPTIMIZATION OF THE FORMATION OF GENDER COMPETENCE OF PRESCHOOL-CHILDREN FROM ORPHANAGE

L. I. Dubetska

*Postgraduate student
Vasyl Stefanyk Precarpathian
National University,
Ivano-Frankivsk, Ukraine*

Summary. The article reveals the importance of parental influence on the process of socialization and formation of preschool child competence. The list of lessons developed by us, deals with the correction and training program «Formation of gender competence of preschool children of the orphanage». The results of forming experiment conducted to optimize understanding of children's irreversibility of gender, differences between the sexes, and ability to adequately identify the age periods of life are shown in the research.

Keywords: preschool child; family; orphanage; gender competence; correctional and developmental program; forming experiment.

Every man to live in a society, must master the achievements of mankind. Essential, according to the researcher R. D. Trigger, is the process of identity of a personality in the society – individual mastering a certain system of values, norms, attitudes, patterns of behavior typical of this society, social community that allows to function as their member. Individual socialization agents (parents, teachers, peers, etc.) do not operate on their own and as a part of certain social institutions. The first agents of socialization, usually are the parents. They are an important factor of socio-cultural adaptation and integration of the child, they help the child learn themselves, engage in a positive dialogue with a wide range of peers, overcome psychological difficulties. Child-parent communication gives boys and girls the skills of social contacts in the activity, which is essential for its present and future life. Thus, a child from the first days of his stay in the family, gets its own life competence as a subjective characteristic, which is a fusion of knowledge, skills, personality traits, allowing the child to be effective in any kind of activity [1, c. 32–39]. So for orphans who are raised without a family, apart from the society in terms of institutions of closed type the competence formation becomes of particular importance. I. O. Aleksieva, I.G. Novoselsky speaking about staying of girls and boys in the orphanage believe that most of the time preschool children spend in the same walls with a limited number of people who interact with them. Attention deficit is alongside with shortage of basic sensory stimuli, lack of information flow as a whole. A. M. Vysotska, points to the fact that children almost never go out anywhere, their living space is limited by this institution [2]. It certainly causes difficul-

ties in forming children's competence, including gender for those living in conditions of the orphanage.

The purpose of the article is to highlight the impact of efficiency, developed by us, correctional and developmental program of the formation of gender competence of preschoolers from the orphanage.

After ascertaining experiment in Dolyna orphanage «Warm House» we found that its children experience difficulties in the formation of knowledge for understanding the irreversibility of gender, differences between the sexes, as well as adequate identification of age periods of a person, the ability to determine their order on signs on exterior signs and social context specific to each age period both of sexes.

To help children from an orphanage overcome these difficulties, we have conducted the forming experiment, which involved implementation of, developed by us, correction and training program «Formation of gender competence of preschool-children of the orphanage». The implementation of this program included consecutive participation of twelve children in the following classes: «Common and different of male and female», «Meet the Fairy of Love», «I am not alone ...», «Learning to take care of the baby», «Family as inseparable whole», «In the world of professions», «A small businessman», «I am a future young man, I am a future young lady», «A family working day», «United family», «The real care and belief in miracles», «I am the future». As a part of the forming experiment, on a voluntary basis to experiment were added boys and girls of preschool groups of the orphanage «Warm House» of the town Dolyna aged 5–6 years (32 people). Parity on gender distribution was maintained. The results of initial psycho-diagnostic research the children under study were divided into control (16 persons) and experimental (16 people) groups – each group was selected from the preschoolers approximately of the same performance level of the studied traits. The boys and girls who were the part of the experimental group participated in above listed classes of correctional and developmental program. After the classes, which lasted for two months in both groups (experimental and control) repeated psycho-diagnostic research (second investigation) was carried out by the method of «Study of gender attitudes of children» (half standard interview of V. E. Kahan) and methods «Gender and age identification (N. L. Byelopolska)». Analysis of the primary and second psycho-diagnostic researches carried out by using Student computing correlation coefficient between the experimental and control groups of content analysis, creating graphics.

The results of the primary (first investigation) and second (second investigation) testing the boys in experimental and control groups by using the technique «Study of gender attitudes of children» (half standard interview of V. E. Kahan) found differences in the statistically significant level at $1 = 0.025$ $R = 18$, since it is at this level of significance $t_{emp. 2} = t_{2 cr}$.

The boys from the control and experimental groups at the beginning of the experiment were characterized by forming one hundred per cent of studied char-

acteristics - gender labeling, gender stability, the adoption of gender, while irreversibility of gender (50 % and 62.5 % in the experimental and control groups, respectively), understanding differences between the sexes (75 % and 87.5 % in the experimental and control groups, respectively) had lower rates of expression.

In the control group of boys the performance studied characteristics at the beginning and at the end of formative experiment remained virtually unchanged. In the experimental group they were changed. After classes of the training program for boys increased the performance of such stage of the formation of gender as the gender irreversibility (from 50 % at the same scale and from 37.5 % for the other to 87.5 % in both scales), and increased the index of understanding differences between sexes (from 75 % to 100 %).

The results of the first and second researches carried out with the girls of the experimental and control groups, have differences on the statistically significant level $l = 0.05$ at $R = 18$, because at this level of significance $t_{emp.} 1.9 > 1.7$ t_{cr} . Similarly to the boys, the girls from the control and experimental groups at the beginning of the forming experiment were characterized by the highest index (100 %) of formation of the studied diagnostics – marking gender, gender stability, the adoption of gender, while slightly lower were indicators of formation of gender irreversibility (75 % – in the experimental and control groups), and awareness of the differences between a boy and girl (87.5 % – in the experimental and control groups).

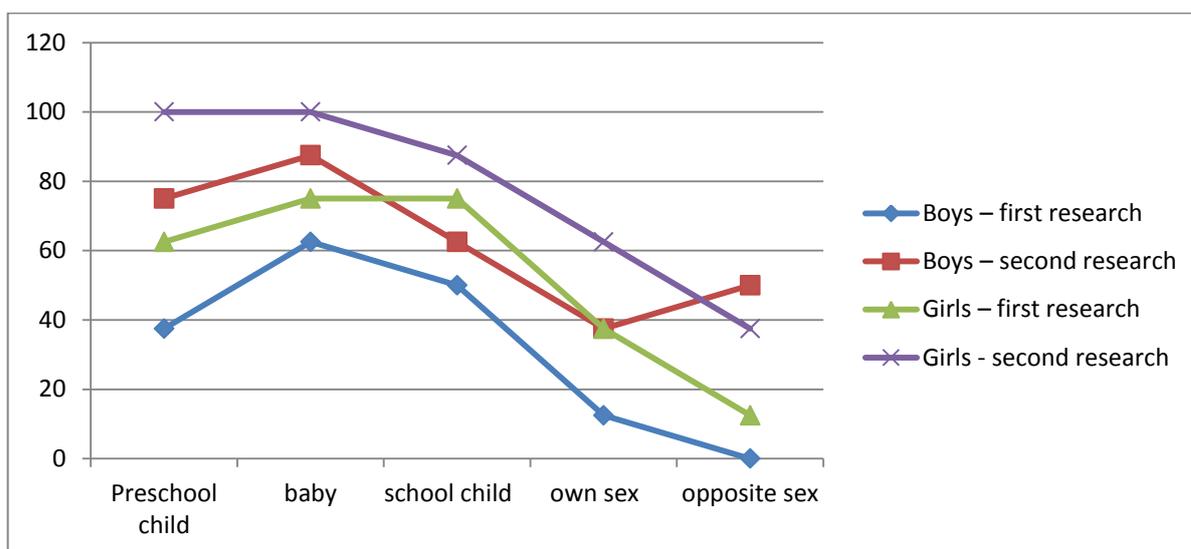
Again, as with the boys in the control group, the girls' indicators of diagnostics at the beginning and after forming experiment remained virtually unchanged. Instead, the changes were observed in the experimental group, and were as follows: indicators of the studied characteristics – gender irreversibility and understanding the differences between boys and girls rose to the maximum (from 75 % in both scales – gender irreversible, 87.5 % – an awareness of differences to 100 % relative to the one and the other studied characteristics).

Increase of these diagnostic features in boys' and girls' experimental groups percentage assist in getting social experience, cognitive development, gaining of basic classification skills, whereby preschool children better produce susceptibility to certain modes of behavior due to gender, and better aware that he or she is a boy or a girl. Effective acquisition of basic gender identity ensures that the child begins to look for information about sex differences, form gender schemes and becomes internally motivated to perform actions that are seen as adequate for a specific gender. After establishing strong own gender schemes the child of this age becomes inclined to copy behavior seen as adequate for members of the same sex, regardless of human sex, which is a role model. Effective formation of preschool children from orphanages such features as gender labeling, gender stability, irreversibility, adoption of own gender and understanding of gender differences between the sexes is successful initial formation of gender identity, which is the core of a future adult gender identity and create stable, core element of «I». Improving of indicators of preschool children from

orphanages of the formation at these three stages of gender (marking, resistance, irreversibility), accepting their own gender and awareness of differences between the sexes is a very important fact as it suggests creating a solid foundation for constructive formation of gender concepts of children from orphanages in their future, particularly in primary school age and adolescence.

Distinctive are indicators of the first and second researches conducted with the participants of the experimental and control groups aimed at studying their knowledge of the identification of all age stages of a man's life of both sexes by using the technique «Gender and age identification (N. L. Byelopolska)». Distinctive are the results of boys from control and experimental groups on the statistically significant level $l = 0.10$ at $R = 18$ ($t_{emp.} 1.6 > 1.3 t_{cr.}$) and girls from control and experimental groups on the statistically significant level $l = R = 0.005$ at 18 ($t_{emp.} 3.3 = 3.3 t_{cr.}$). These differences mean that the performance of preschoolers exposed to the experiment, increased on their own ability to identify the their own stage age of development («preschooler boy/girl») - from 37.5 % to 75 % of boys and 62.5 % to 100 % – girls; on the ability to identify the preliminary stage («baby») of his own age – from 62.5 % to 87.5 % for boys and from 75 % to 100 % girls; on the ability to identify the next phase («pupil») of their own stage age of development – from 50 % to 62.5 % for boys and from 75 % to 87.5 % for girls; on the correct sequencing of phases of own sex age – from 12.5 % to 37.5 % for boys and from 37.5 % to 62.5 % for girls; on the correct sequencing of phases of the opposite sex age (from 0 % to 50 % in boys and from 12.5 % to 37.5 % in girls). See Drawing 1.

Drawing 1. Identification of age stages

Such improvement of the results of the preschool children from orphanages in their competence of identifying all age status of both sexes on the sequence of the age status of members of one and the other sex could take place only as a

result of the preschool children's acquisition at least the minimum concrete ideas and knowledge on features of life of representatives of one and the other sexes at each age stage of the during the formative experiment.

Participation in suggested classes of the training program contributes to preschool children from orphanages the required minimum of precise knowledge about typical appearance, leading activities, domestic and professional responsibilities, behaviour, character traits, relationships that are characteristic of people male and female for a particular age period. This in its turn lays the foundation for successful formation of boys and girls in the experimental group of «I – the Past», «I – the Present» and «I – the Future», which increases the chances of the children from the orphanages to conduct effective life activities. Promoting owing to the forming experiment preschoolers' ability to develop correct sequence of age status is a favorable factor for the formation of preschool children from the orphanages the vision of the overall «picture» of life, its content and consistency of purposes to which a man must strive at different stages of life. The consistency of age status serves a particular light for boys and girls necessary for a conscious shaping of one's own life path in the future.

Thus, the participation of preschool children from orphanages in the classes, we have developed, correctional and training program is an important psychological condition for optimizing the formation of children's gender concepts and gender competence.

Bibliography

1. Мухина В. С. Психологическая помощь детям, воспитывающимся в учреждениях интернатного типа // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 32–39.
2. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Психология сиротства. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2005. – 400 с. : ил. – (Серия «Детскому психологу»).
3. Шевандрин Н. И. Психодиагностика, коррекция и развитие личности : учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. – 512 с.

III. FEATURES OF THE ANALYSIS OF GENDER ISSUES IN THE SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ» И «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК» В ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ (из опыта работы)

И. Ю. АКИМОВА

*Преподаватель,
Владивостокское президентское
кадетское училище, г. Владивосток,
Приморский край, Россия*

Summary. The cycle of stories "Dark Alleys" is spoken about as of a kind of an encyclopedia of love that included most diverse and incredible stories about this great and often mixed feeling. The article offers the analysis of Ivan Bunin's stories such as "Dark Alleys" and "Clean Monday" in terms of a gender perspective. The author shares the experience how to help students better understand the author's point of view through the system of questions and tasks and contribute to formation of growing student's socialization.

Keywords: archetypal role; gender; gender literature; the writer's outlook; system of values.

В тезаурусе терминологии гендерных исследований сказано, что, «воплощая в своих действиях ожидания, связанные с их гендерным статусом, индивиды конституируют гендерные различия и, одновременно, обусловливаемые ими системы господства и властвования» [4]. В стереотипном сознании прочно утвердилось мнение, что «мужчины и женщины существенно отличаются друг от друга не только по физическим и физиологическим характеристикам, но и по психологическим свойствам, чертам личности и особенностям поведения». Так архетипические роли мужчины – это защитник, охотник, кормилец. Ему присущи такие качества как сила, «вытеснение эмоций» (по Юнгу), сдержанность. Женщине же, как утверждает Юнг, присуща «специфически женскую добродетель», и он видит парадокс в том, что «очень женственным женщинам» бывают свойственны сила и стойкость [18].

При анализе любого литературного произведения мы интуитивно или осознанно учитываем, что «гендер – не врождённое мужское или женское начало: его конструирование на личностном уровне происходит в процессе социализации индивида» [16].

Гендерное литературоведение позволяет по-иному взглянуть на уже, казалось бы, знакомый текст. Через постижение авторского замысла происходит формирование гендерной позиции. Читая произведение, читатель

не только соперничает, но и, понимая мировоззрение писателя, определяет свои отношения с миром, выстраивает свою систему ценностей, понимает, каким нужно быть и к чему нужно стремиться.

Именно с такой точки зрения мы изучаем рассказы И. А. Бунина «Тёмные аллеи», «Чистый понедельник».

Цикл рассказов «Тёмные аллеи», куда входят интересующие нас произведения, создавался в трудные не только для писателя, но и для всего мира период – с 1937–1945 гг., в Грассе во время оккупации Франции. Как отмечает О. Ю. Богданова, «что сущность «Тёмных аллей» не в описании мимолетных встреч, а в раскрытии неизбывной трагедии человека, единственного в мире существа, принадлежащего двум мирам: земле и небу, полу и любви» [3, с. 24]. Бунин, по мнению И. П. Карпова, воплощает в рассказах «собственное трагическое понимание любви, реализуя его не только в изображении мгновенных трагических обрывающихся встреч героев, но заставляя героев таким же образом воспринимать любовь» [8, с. 58]. Связано это и с мироощущением писателя, с восприятием им драматизма окружающей его действительности. Он писал Тэффи, что «все рассказы этой книги только о любви, о её «темных» и чаще всего очень мрачных и жестоких аллеях» [3, с. 230].

Мы полагаем, что при изучении рассказов «Тёмные аллеи», «Чистый понедельник» необходим гендерный подход, так как мы явно видим составляющие гендера – мужчина и женщина в социокультурной среде. У Бунина всегда два героя – он и она. Герои всегда представлены неравнозначно: образ мужчины дан «эскизно», по наблюдению И.П. Карпова, а образ женщины «психологически глубоко и внешне - фактурно выписан» [8, с. 59]. Развивая мысль исследователя, мы находим в этом проявление гендерной модели самого автора и его героя. Героя-мужчину всегда тянет, влечет к женщине. Любовь как счастливая кратковременная встреча – это повторяющаяся ситуация рассказов («Солнечный удар», «Тёмные аллеи», «Начало»).

Так, работая над рассказами И. А. Бунина «Тёмные аллеи», «Чистый понедельник», суворовцы через ряд вопросов (Какие женские качества восхищают автора? А вас? Какие не мужественные поступки совершает Николай Алексеевич? Как должен был повести себя настоящий мужчина?) приходят к выводу, что Николай Алексеевич при всей своей «породистости» совсем не соответствует своей гендерной роли: ведь настоящая любовь мужчины – в делах, женщины – в чувствах. А он растворился в любви к жене, «сына обожал», а не вырастил, воспитал. Надежда же, напротив, «ещё красива», богата, хозяйка гостиницы, да и, по словам кучера, «...крута! Не отдал вовремя (деньги) – пеняй на себя» [2, с. 446]. Гендерные роли поменялись. Плохо это или хорошо?

Вот и в рассказе «Чистый понедельник» герой стремится к героине. «Каждый вечер мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаке мой ку-

чер – от Красных ворот к храму Христа Спасителя: она жила против него». Он предстает перед нами как соблазнитель при всей его покорности и подчиненности капризам главной героини. Он привозит ей новые модные произведения писателей, коробки шоколада, «таскает» её, по выражению героини, на театральные представления и в рестораны. Он готов служить ей, но не растворяется в ней, а *завоёвываёт* эту «загадочную, непонятную» для него женщину, наслаждаясь её слабостями и капризами, как сильный любящий человек.

Она женственна, «загадочна, непонятна для меня», прочитывает привезенные героем книги, ходит в театр и ресторан, обедает «с московским пониманием дела», «за обедами и ужинами ела не меньше меня...», а «...шоколаду съедала за день целую коробку,..». У неё свои слабости: «явной слабостью её была только хорошая одежда, бархат, шелка, дорогой мех...». Герой любит красоту героини, её жестами, эмоциональными движениями её души. «Я шел за ней, с умилением глядел на ее маленький след, на звездочки, которые оставляли на снегу новые черные ботинки, - она вдруг обернулась, почувствовав это:

- Правда, как вы меня любите! – сказала она с тихим недоумением, покачав головой» [2, с. 517]. И он действительно любит её, хотя и противопоставляет: она – я. «Насколько я был склонен к болтливости, к простосердечной веселости, настолько она была чаще всего молчалива». Достаточно вспомнить их знакомство в декабре: «...я так вертелся и хохотал, что она, случайно оказавшись в кресле рядом со мной и сперва с некоторым недоумением смотревшая на меня, тоже наконец рассмеялась, и я тотчас весело обратился к ней» [2, с. 513].

Он счастлив уже тем, что сидит с ней, слышит её голос. Он полностью удовлетворен жизнью, ему хватает даже такой малости, как просто быть с ней.

Пассивен ли герой? Нет, он смел: выбрал женщину достойную, равную, себе под стать. «Мы оба богаты, здоровы, молоды и настолько хороши собой, что в ресторанах, на концертах нас провожали взглядами». Им движет желание покорить эту равную, а иногда и в чем-то более сильную женщину.

Таким образом, герой воплощает собой стереотипы мужественности. А вот героиня, на первый взгляд, с её нежеланием выходить замуж, рожать детей, курением, питием шампанского – поведением этакой женщины-эмансипе берет на себя мужские обязанности. Обо всем увиденном, кроме жизни патриархальной Москвы, отзывается (совсем не по-женски) нелицеприятно: то Шаляпин «не в меру разудал был», то Брюсов слишком высокопарен. Пытается примерить на себя другую жизнь: «вот если бы я была певица». Прихлебывая шампанское, курит, позволяет герою дерзкие ласки. Ходит зачем-то на курсы, разучивает «Лунную сонату» – пытается найти

себя, но не находит. Даже любовь героя не приносит ей счастья. «Вскоре после нашего сближения она сказала мне, когда я заговорил о браке:

- Нет, в жены я не гожусь. Не гожусь, не гожусь...».

Действительно, кажется, что перед нами эмансипированная, отказавшаяся от традиционной гендерной модели поведения женщина, рожденная новым временем.

Но так ли это?

На самом деле она другая. Любит бывать в монастырях, соборах. И туда ходит, как паломники в старые добрые времена. Ходит, а не ездит.

Она беззащитна, и нуждается в защите: «кроме отца и вас, у меня никого нет на свете». В этом своеобразие образа героини: одновременно с нехарактерными для женской гендерной роли свободолюбием, напором и даже грубостью она – воплощение традиционного женского начала. Почему писатель был так счастлив, когда написал это произведение? Может быть, ему удалось воплотить цель, обозначенную еще А. С. Пушкиным: «Цель художества есть идеал, а не нравоучения». Идеал – и женский, и мужской.

В заключительной части рассказа Бунин ставит все на свои места. После близости героиня уходит в монастырь. И тот факт, что Бунина больше интересовала женщина, её характер, поступки, его «специфическое видение женской природы», по словам Соловьёва, подтверждает то, что ставит перед выбором не героя (мужчину), а героиню [2]. Кто победит в ней: патриархальная женщина или эмансипированная особа, что ей выбрать? И она выбирает монастырь – её не устраивает настоящее, ей хочется в прошлое. И в чистый понедельник, не найдя красоты, духовности в этом мире, она уходит из него туда, где, как ей кажется, всё это есть: в прошлое, в допетровскую Русь, в монастырь. Такое поведение так типично для женщин: скрыться от суеты, неприятностей суетного мира за толстыми монастырскими стенами. За этим поступком Бунин позволяет читателю увидеть в героине нежную, трепетную душу. Яркая, смелая, бросакая – это только внешняя оболочка, а она не соответствует глубине её душевных переживаний. Она была загадкой для героя в начале произведения, она загадкой и осталась. «Странная любовь». И герой принимает её такой, какая она есть, восхищается ей. И последняя встреча в Марфо-Мариинской обители. Там, в веренице «инокинь или сестер» он увидел, как «одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платком». «Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать моё присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот» [2, с. 524]. Это ли не признак мужественности, признак силы мужчины и типично женское поведение, не логичное для окружающих обывателей, но понятно только ей. И сейчас ей легче, а ему трудней – он остается в этом мире, все ещё любя героиню.

Таким образом, при изучении рассказов И. А. Бунина из сборника «Тёмные аллеи» гендерный аспект позволяет лучше понять авторскую по-

зицию, сформировать или скорректировать определённые гендерные стереотипы учащихся, и в современном преподавании литературы помогает приблизить классическое произведение к сегодняшнему дню, чем способствует социализации растущего школьника, а значит, дает возможность позиционировать себя как мужчину или женщину.

Библиографический список

1. Безрукова В. С. Вопросно-ответная основа урока. Технологический аспект. – Екатеринбург, 2001. – 42 с.
2. Бунин И. А. Избранная проза. – Москва : АСТ Олимп, 1996, 655 с.
3. Богданова О. Ю. Бунин в школе. – М. : Дрофа, 2003. – 301 с.
4. Денисова А. А. Тезаурус терминологии гендерных исследований Тезаурус подготовлен при содействии Института "Открытое общество" (Фонда Сороса) Региональная общественная организация "Восток-Запад: Женские Инновационные Проекты" 2003, Москва 2003 <http://www.owl.ru/gender/thesaurus.htm> (дата обращения: 26.05.2012)
5. Ерофеева М. А. Балашовский филиал СГУ, Россия Гендерное образование <http://www.rusnauka.com/PRNIT/Pedagogica/erofeeva%20m.a..doc.htm> (дата обращения: 2. 06. 2012)
6. Запорожец А. В. Психология восприятия ребенком-дошкольником литературного произведения // Психология действий : избранные психологические труды. – М., 2000.
7. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины женщины http://sbiblio.com/biblio/archive/ilin_dif/10.aspx (дата обращения: 25.03. 2013 г.)
8. Карпов И. П., Старыгина Н. Н. Конспекты уроков для учителя литературы: 11 класс. Обзорные уроки для подготовки к экзаменам: XX в. – М. : ВЛАДОС, 2003. – 311 с.
9. Клецина И. С. Гендерная психология. 2-е издание. – СПб : Питер, 2009.
10. Колупаева О. В. Возможности использования гендерного подхода в исследовательской деятельности учащихся по литературе. <http://festival.1september.ru/articles/570550/> (дата обращения: 27.06.2012)
11. Кон И.С. Совместное и раздельное обучение: теоретические основы. <http://sexologu.narod.ru/info157.htm1> (дата обращения: 24.06.2012)
12. Леонтьев А. Н., Запорожец А. В. Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста : сб. ст. / под ред. Леонтьева А. Н. и Запорожца А. В. – М. : Международный Образовательный и Психологический Колледж, 1995. – 144 с. http://pedlib.ru/Books/6/0112/6_0112-1.shtml (дата обращения: 2.07. 2012)
13. Педагогическое обозрение январь-февраль. – 2009. – № 1-2 (87-88): www.iuro.websib.ru/inf_87.pdf (дата обращения: 15.06.2012)
14. Смирнова О.В. Как воспитать Наташу Ростову? журнал Литература, сентябрь 2011 г, стр. 13
15. Суслова О. И. и Пушкина О. Н. Мысль семейная: как ждать ребёнка... // Литература. – сентябрь. – 2011. – С. 24.
16. Теория и практика гендерных исследований в мировой науке sociosphera.ucoz.ru/Arhivs/sbornik_k-3-05-10.pdf (дата обращения: 12.06.2012)
17. Штылева Л. В. Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании. www.ivanovo.ac.ru/win1251/jornal/jornal3/shtil.htm (дата обращения: 29.06. 2012)
18. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления <http://lib.ru/PSIHO/JUNG/memdreamrefs.txt> (дата обращения: 2. 06. 2012)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕВНОСТИ В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Ш. А. Алиева,
П. М. Омарова

Кандидат филологических наук,
кандидат филологических наук,
Дагестанский государственный
университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия

Summary. The contrastive analysis of the image of jealousy has shown the evaluation of the given emotion in the English and Russian proverbs and sayings. Universal and culture specific characteristics of jealousy are revealed as well as conceptual metaphors. Gender aspect of jealousy is also defined.

Keywords: proverb; negative evaluation; jealousy; image; metaphor.

Возникновение и развитие в современной лингвистике лингвокультурологического направления и антропоцентрического подхода к изучению языковых явлений обусловило повышение интереса к исследованию языковой картины мира того или иного этноса, особенностей менталитета разных народов. В этой связи актуально обращение к пословицам, как носителям многовекового социально-исторического опыта народа.

Пословицы разных народов содержат схожий набор положительных и отрицательных стереотипов, ценностей и антиценностей, в то же время они испытывают на себе влияние образа жизни народа, особенностей его мышления. Центральной фигурой в пословицах всегда выступает человек в своих различных проявлениях – во всем своем совершенстве и величии и во всех своих неприглядных качествах. В отличие от других жанров фольклора, пословица содержит детально разработанную систему нравственно-этического характера на тему добра и зла. [1, с. 73].

В данной статье рассматриваются пословицы, содержащие концепт *ревность*.

Пословиц и поговорок о ревности, как в английском, так и в русском языках представлено в небольшом количестве. Это объясняется тем, что ревность является социологизированной эмоцией, которая не связана напрямую с удовлетворением или неудовлетворением потребностей у человека, в отличие от таких эмоций, как страх или гнев. К. Изард относит ревность к сложным, многогранным эмоциональным феноменам [2, с. 70].

Jealousy в словаре “Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English” определяется как синоним к слову ‘enviousness’ [6, с. 694].

В толковых словарях русского языка *ревность* определяется как «1. мучительное сомнение в чьей-нибудь верности, любви. 2. Усердие, рвение» [4, с. 718], тем не менее, мы находим подтверждение тому, что ревность является синонимом **зависти** в пословицах обоих языков:

(англ.) *A neighbor's eye is full of jealousy.* (Здесь и далее английские пословицы приводятся по[7]).

Beggar is jealous of a beggar.

There is no man however high but is jealous of someone, and there is no man however low but has some one jealous of him.

(рус.) *Иного гложет ревность по чужим удачам.* (Здесь и далее русские пословицы приводятся по[5]).

Анализ соответствующих английских и русских пословиц и поговорок выявил, что *jealousy* / *ревность* оценивается отрицательно, как **опасное чувство**:

(англ.) *Jealous head is soon broken.*

Jealousy is a green-eyed monster (that feeds on itself)

For jealousy makes a man furious, and he will not spare when he takes revenge.

(рус.) *Ревность превращает человека в зверя*

Представители обеих лингвокультур считают ревность **великим злом, отравой жизни**:

(англ.) *Jealousy is the greatest evil.*

Jealousy is worse than witchcraft.

Jealousy is a pain which largely seeks what causes pain.

Frenzy, heresy and jealousy seldom cured.

(рус.) *Ревность, как ржа, губит сердце.*

Супружеская ревность – отравка жизни.

Ревность – ржавчина души.

В английской и русской паремиологии также прослеживается прямая зависимость **любви и ревности**:

(англ.) *Without jealousy there is no love (love is never without jealousy);*

A loving man is always jealous;

A loving man, a jealous man.

(рус.) *Ревнует – значит любит.*

Без ревности нет любви.

С другой стороны, настоящая любовь **не испытывает** чувства ревности:

(англ.) *Love knows no jealousy.*

Jealousy is a proof of a self-love

Ревность, по мнению англичан, приводит к недоверию:

(англ.) *Jealousy leads to folly and injustice*

Love being jealous, make a good eye asquint

В русских паремиях ревность также связана с неуверенностью в верности, недоверчивостью:

(рус.) *Старый-ревнивый, молодой сам стороной*

Ревновать – не надобно много спать

В пословицах английского языка даже говорится о том, что в семейно-бытовых отношениях **лучше жить без любви, чем в ревности**:

(англ.) *Better to have a husband **without love** than with **jealousy***

Особенно подчеркивается в английских пословицах опасность иметь **ревнивую жену**:

(англ.) *A **jealous woman** sets a whole house **flame**.*

*The **jealousy** of the **wife** is the path to **divorce**.*

В русских пословицах ревность приписывается скорее **мужу**, чем жене, при этом прослеживается неодобрительное отношение к ревнивцу, ревнивый муж опасен:

(рус.) *Ревнивый **муж шипит** как уж.*

*Ревнивый, что вишивый, **спать спокойно не может**.*

*Коль **муж** начал ревновать, так **беды не миновать**.*

*Ревнивый сам себя **унижает**.*

Характерной только для русского языка оказалась поговорка с признаком **не заботится**:

(рус.) *Не **ревнует** батрак хозяйскому **добру**.*

Концептуализация ревности в целом сходна в английском и русском языках, например, для обоих языков типична метафора 'живое существо'

(англ.) ***Jealousy** is a **green-eyed monster***

(рус.) *Иного **ложет ревность** по чужим удачам.*

В английском языке *ревность* рассматривается как **вредное для здоровья** чувство и ассоциируется в сознании человека с **болезнью**, что находит отражение в метафорической концептуализации ревности:

(англ.) ***Jealousy** is a **pain** which largely seeks what **causes pain**.*

*Frenzy, heresy and **jealousy** **seldom** cured.*

В русском языке то же свойство ревности «нанесение вреда здоровью» представлено как «отрава, ржавчина»:

(рус.) *Ревность, как **ржа**, **губит сердце**.*

*Супружеская ревность – **отрава жизни**.*

*Ревность – **ржавчина души**.*

Примечательно, что и в английском и русском языках ревность персонифицируется как лицо женского пола (дочь, сестра). Это связано с тем, что образ женщины получает в поговорках преимущественно отрицательную оценку, и, следовательно, отрицательные качества ассоциируются с женщиной. По мнению В. А. Масловой, в языке «прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки» [3, с. 128].

(англ.) ***Jealousy** is the **evil daughter** of a good family.*

(рус.) *Ревность – **сестра глупости**.*

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ обнаруживает, что и в английской, и в русской лингвокультурах *ревность* представлена как отрицательное качество, наносящее вред душевному спокойствию и здоровью, приравнивается к большой беде. В обоих языках находим неод-

нозначное отношение к ревности. С одной стороны, ревность неотделима от любви, сопровождает ее, с другой, подчеркивается опасность ревности для супружеской жизни, при этом в английских пословицах порицается ревность жены, в русских – мужа. Ревность концептуализируется в английском и русском языках в виде метафор ‘ревность – живое существо’ и ‘ревность – болезнь’.

Библиографический список

1. Замалетдинов Р. Р., Замалетдинова Г. Ф. О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // Филология и культура. – 2010. – № 20. – С. 73–78.
2. Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб. : Питер, 2009. – 464 с.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 208 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2006. – 944 с.
5. Русские пословицы // Викицитатник URL: <https://ru.wikiquote.org/wiki/>
6. OELD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English / Hornby, A.S. – London : Oxford University Press, 2001. – 1540 p.
7. Robert Christy, comp. Proverbs, Maxims and Phrases of All Ages. – 1887. URL: <http://www.bartleby.com/89/>

ЭКЗОГЕННО-ЭНДОГЕННЫЙ ПРЕСТУПНЫЙ ОБРАЗ КАК ОСОБЫЙ ТИП БУНИНСКОГО ГЕРОЯ В РАССКАЗЕ «ДЕЛО КОРНЕТА ЕЛАГИНА»

Г. Н. Божкова,
К. Л. Ерофеева

*Кандидат филологических наук, доцент,
студентка,
Елабужский институт,
Казанский федеральный университет,
г. Елабуга, Республика Татарстан,
Россия*

Summary. This article analyzed the story of the famous Russian writer of the early twentieth century master of the psychological prose IA Bunin. In small and medium-genres of his work revealed and examined all the incarnation of the criminal image. In the stories of "Fool", "Three rubles" presented exogenous types of criminal characters in the story "Looped ears" – an endogenous species. We are interested in images of criminals in the product "Case of cornet Elagin". We came to the conclusion that in this work there is a new, complex and very interesting type of crime - exogenous-endogenous.

Keywords: story; the crime; the motive; the exogenous criminal type; endogenous type of offender; exogenous-endogenous criminal type.

Для литературы понятие преступления не ново, так как тема зла является вечной и раскрывающейся в произведениях многих русских и зарубежных писателей. Образ преступника в литературе – это тот же

юридический преступный тип (экзогенный (преступление, на которое человека толкают внешние обстоятельства) или эндогенный (преступления, совершённые в результате внутренних потрясений и переживаний), но отличающийся особыми чертами и выполняющий определенные функции. Если криминалистика анализирует преступный тип с целью вынесения предстоящего приговора, то литература раскрывает преступный образ в назидательных целях.

Тема преступления является очень актуальной и острой в творчестве И. А. Бунина. Малые жанры – это реакция автора на великие и страшные события истории России. Рассказ «Петлистые уши» (1916) – реакция на абсурдность Первой Мировой войны, предчувствие разрушения России, кровавой и братоубийственной революции; «Убийца» (1930) – олицетворение убийственной для русской интеллигенции сталинской политики; «Дурочка» (1940), «Три рубля» (1944) и «Ночлег» (1949) – реакция на ужасы мирового фашизма. Преступление является злом, искажающим вечные истины, невзирая на то, внутренней или внешней оно природы.

При анализе прозы И. А. Бунина нами был выявлен особый тип героя, который однозначно не подходит под критерии экзогенного или эндогенного преступного образа [4, с. 95]. Наоборот, бунинский герой – это синкретизм первого и второго преступных типов. В результате перед читателем предстает абсолютно новый и уникальный персонаж, психологически сложный, труднообъяснимый и тяжело анализируемый, но оттого очень интересный. Анализ произведений показал, что экзогенно-эндогенный герой является совокупностью двух важных психологических компонентов – внешние обстоятельства и мотив (аналог внутренней теории, идеи). Именно мотивация определяет психологию и тактику поведения во время преступления, совершаемого героем.

Уникальным в плане характеристики экзогенно-эндогенного преступного типа является знаменитая повесть И. А. Бунина «Дело корнета Елагина»: впервые единый преступный тип в нем презентуют два персонажа.

Произведение написано в Приморских Альпах 11 сентября 1925 года. Сюжет повести базируется на материалах реального уголовного дела 1890 г., которое стало известным на всю Россию благодаря участию в нем знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако, гения русского судебного красноречия. Согласно обвинению, молодой офицер А. М. Бартенев умышленно убивает возлюбленную, актрису Марию Висновскую.

Результаты и собственные выводы по давно прошедшему уголовному делу являлись актуальными для творчества Бунина по нескольким причинам. Во-первых, в это время (эмиграция 1920–1950 гг.) в своих произведениях писатель акцентирует внимание на исследовании психологической стороны любовного чувства. Данный аспект качественно меняет и преобразует образную систему. Во-вторых, 20-е годы для Бунина становятся

временем острой полемики с «новым искусством». Писатель обличает губительное влияние декадентской философии на аудиторию (особенно молодую) конца XIX – начала XX века. Центральными и неразрывными понятиями нового мировоззрения, программно изложенного в творчестве Ф. Сологуба, стали «Любовь» и «Смерть». Согласно постулатам популярного «учения», любящие люди «Прекрасной, Преображающей Смертью» торжествуют над конечностью жизни. Бартенев и Висновская, по мнению Плевако, стали материализацией губительной философской системы: «И Висновская, и Бартенев давно играли в смерть <...> Игра в смерть перешла в грозную действительность» [2, с. 490].

Сравнив материалы судебного разбирательства конца XIX в. с текстом бунинской повести, исследователи (А. М. Грачева, Н. И. Кучеровский) определили максимальную сюжетную, образную, стилистическую и текстовую близость литературного произведения и его документальной базы.

Повесть начинается сценой в зале суда, где заслушивается дело об убийстве двадцативосьмилетней актрисы Марии Сосновской корнетом Александром Елагиным двадцати двух лет. Автор использует полифонию: совершенное деяние рассматривается в произведении с нескольких сторон (прокурора и защитника). Сюжетообразующей является точка зрения прокурора, который утверждает, что в ночь на 19 июня на Староградской-14 молодой офицер Елагин из-за ревности убил свою возлюбленную. Прокурор с уверенностью относит подсудимого к разряду идейных (эндогенных) преступников, назвав его «уголовным волком». На данное умозаключение представителя обвинения натолкнули несколько фактов. Во-первых, признание Елагина в совершении убийства, его спокойное состояние в роковой день: герой испытывал мук совести от содеянного, а это значит, что преступление было четко продумано и являлось реализацией и апробацией определенной идеи. Во-вторых, на вопрос, был ли Елагин невольным пособником в убийстве, звучит однозначное отрицание. И доказательством тому предсмертные записки Сосновской, в которых героиня утверждает, что погибает не по своей воле. Такова официальная версия совершенного преступления.

Защитник Елагина утверждает, что есть о чем спорить, поскольку, поводов для размышлений много. Он считает, что причину совершенного нужно искать непосредственно в прошлом, характерах и внутреннем мире «преступника» и «жертвы». Таким образом, стержневыми для раскрытия идейного содержания повести являются точки зрения главных героев.

По мнению адвоката, прототипом которого стал Ф. Плевако, более опасным преступником в данном случае является ни кто иной, как сама «жертва», заигравшаяся в смерть. Мария Сосновская, красавица-полячка, еще на заре своей жизни встретилась со смертью: отец её трехгодовалой девочки покончил с собой. Это событие повлияло на характер юной Сос-

новской. Эксцентричная и впечатлительная, она очень рано пристрастилась к сцене. Отсюда эпатаж и пафос в поведении: героиня ведет дневник, самыми частотными словами в котором являются «смерть», «умереть», «небытие», «самоубийство», а цель ее существования – «полюбить и красиво умереть» [1, с. 248]. Не случайно в повести автор подробно описывает внешность мертвой героини, её «прекрасное сложение», «прекрасный тон тела», «маленькую и без единого изъяна ногу», «детскую, простодушную прелесть губ», «небольшие и правильные черты лица», «чудесные волосы» [1, с. 233]. Красота для героини – высшая ценность, которая должна восторжествовать, первое требование и «разменная» монета. Сосновская знает, что красива, недостижима, и нет никого, кто был бы достоин ее лоска и грации. Героиня мечтает о красивой, сценической смерти: «Я изберу себе прекрасную смерть. Я найму маленькую комнату, велю обить ее траурной материей. Музыка должна играть за стеной, а я лягу в скромном белом платье и окружу себя бесчисленными цветами, запах которых и убьет меня» [1, с. 248].

Мария, как и многие люди искусства, находится в бурном потоке декадентства. Подобный чересчур пафосный, романтический и наивный проект места смерти точно соответствует концепции модного мировоззрения: черная комната – это универсальное пространство, пограничное между жизнью и смертью, сном и явью. Кроме «черной комнаты», бунинская героиня любит походы на кладбище, испытывает страсть к галлюциногенам.

В своем произведении Бунин обыгрывает даже имя главной героини: Мария Висновская (прототип) – Мария Вечера – Мария Башкирцева – Мария Сосновская. Прослеживается явная связь с легендарными героинями декаданса, с которыми Сосновская сознательно себя ассоциирует.

Таким образом, девушка живет в декадентстве, её жизнь пропитана духом новой идеи. Выбор такой жизненной позиции обусловлен «жаждой славы, людского внимания, перешедшей у нее просто в исступление» [1, с. 251]. Невыполненным остается только один, самый главный ритуал – двойная смерть двух любящих людей. Многим предлагала она умереть за одну ночь с ней и даже находились желающие, но причиной неисполнения становилась любовь к жизни. Стоит вспомнить эпизод, когда на героине вспыхнул пеньюар: «Сосновская дико закричала, сбрасывая, срывая его с себя» [1, с. 259]. Она не побоялась некрасивой одинокой смерти, поэтому Елагин для нее тот человек, который сделает все по её сценарию. Героиня страстно влюблена в Александра, поэтому в отношениях очень импульсивна, противоречива, что негативно сказывается на обоих: постановочные сцены ревности, резкая смена настроения от веселости до тупого равнодушия – все это всегда происходило при свидетелях.

К главному театральному действию Мария хорошо подготовилась: купила красивый пеньюар, написала предсмертные записки, нашла комнату четко соответствующую «стандартам» декадентства.

Особую роль в кульминационном эпизоде играет пейзаж: солнечная погода, бурная жизнь за окном контрастируют с мраком комнаты. Перед героиней появляется выбор: Жизнь или Смерть, и она в очередной раз выбирает последнее, театрально назвав произошедшее «Божьей волей». Даже за несколько секунд до убийства, Мария ведет себя как на сцене, перед большим количеством зрителей. Она использует коммуникативные «формулы» героев шекспировских трагедий: «Прощай, прощай <...> Или нет: здравствуй. И теперь уже навсегда...» [1, с. 271–272]. Жажда славы победила любовь к жизни, идея убила своего носителя – в этом состоит трагедия бунинской героини. Удивительно, но заранее продуманный план был далёк от совершенства: второго самоубийства не произошло. Почему Елагин не убил себя? Этот вопрос интересует всех в зале заседания. Ответ на него может быть получен только после исследования жизни и характера обвиняемого.

Александр Елагин – двадцатидвухлетний гусар, выходец из родовой и богатой семьи, выросший в благоговейном трепете перед отцом. Особенности внешности героя в повести представлены с трех позиций. Первые два аспекта изложены в речи прокурора, который сравнивает внешние характеристики обвиняемого до и после убийства. Для достижения этой цели обвинитель в качестве опорных использует два пункта: «тогда» и «теперь». Путем предположений и суждений прокурор спроектировал внешность Елагина до заключения: бравый офицер «в живописном гусарском наряде» [1, с. 242], с уверенностью и дерзостью в глазах. Противоположное описание у представителя обвинения: «Теперь его уже ничто не скрашивает; перед нами низкорослый и сутулый молодой человек с белобрсыми усиками и крайне неопределенным, незначительным выражением лица, <...> то есть личность, по-моему, с резко выраженными дегенеративными особенностями» [1, с. 242]. Стоит отметить, что прокурор выделил в обвиняемом только изменяемые портретные характеристики, которые зависят от внешних факторов. Автор же замечает в Елагине черты «непреходящие», наследственные, природные: «... человек с резко выраженной наследственностью <...> рыжеватый, сутулый и тонконогий человек <...> веснушчатое лицо с маленькими и зеленоватыми (избегающими глядеть на вас) глазами» [1, с. 242].

Внутренний мир Александра Елагина сложен и противоречив. Служивцы характеризуют его, с одной стороны, как дебошира, «... ошалелого прожигателя жизни» [1, с. 241] с другой, – как ответственного и заботливого офицера. Такая неровность проявляется во всем: и в отношениях с окружающими, и в поведении героя. Достаточно широк и полярен диапазон чувств и состояний, испытываемых персонажем: меланхолия резко сменяется веселостью, скромность – эксцентричностью, злость и ревность – благоговением. Он легко переключается с одного состояния на другое и с такой же легкостью, «впитывает» окружающую информацию

и философию. Знакомство и общение с Сосновской является доказательством такого пагубного для незрелой и страстной натуры «впитывания». Именно после встречи с ней герой начинает думать о самоубийстве, все больше места в душе отводя меланхолии и унынию. В отношении с возлюбленной Елагин открывается как ревнивая, раздражительная, опрометчивая в поступках, но в то же время романтическая натура. Стоит вспомнить эпизоды, в которых герой проявляет готовность покончить с собой ради Сосновской, отсылает зlostные и наивные письма в ответ на равнодушие возлюбленной. Эти качества привлекают героиню, являются, на ее взгляд, подходящими для предстоящего действия.

Убийство Сосновской – это первый финал повести, подходящий к фабульной системе бульварного романа, предсказуемого и концептуально незамысловатого. Но автор в самом начале произведения настраивает зрителей на идейную сложность и непознаваемость предстоящего повествования: «Ужасное дело это – дело странное, загадочное, неразрешимое. С одной стороны, оно очень просто, а с другой – очень сложно ...» [1, с. 227]. Сложность состоит в необъяснимости поведения и интенций Елагина, не завершившего «священный обряд» собственной смертью.

Второй финал основывается на речи Елагина, в которой герой отвечает на самый главный, интересующий всех вопрос: «Почему я не застрелился сам? Но я как-то забыл об этом. <...> мною овладело полное безразличие. <...> Может быть, я виноват перед людским законом, виноват перед Богом, но не перед ней!» [1, с. 272].

Сосновская и Елагин – это образы различных эстетических систем. Если Сосновская – типичная героиня поэтики декадентской литературы, то образ Елагина создан по законам реализма, близкого творчеству Бунина. Главный герой изображен автором с помощью использования приема «диалектики души»: Александр Елагин психологически сложен, но в то же время вполне объясним. Чувство, которое испытывает персонаж к Сосновской – любовь-страсть. Он молод: «Возраст роковой, время страшное <...> Обычно переживает человек в это время то, что медицински называется зрелостью пола...» [1, с. 241]. Елагин до беспамятства, страстно влюблен, поэтому преклоняется перед волей любимой, готов повиниться ей при любых условиях.

На вопрос следствия о том, почему подсудимый не покончил с собой, как планировалось, знаменитый Ф. Плевако отвечал: «Бартенев не мог быть трусом. Иначе объясняю себе я то, что он остался живым. Бартенев весь ушел в Висновскую. Он исполнил страшный приказ. <...> хозяина его души не стало <...> Что было потом, мы не знаем ...» [2, с. 488]. Художественная концепция Бунина совпадает с мнением известного адвоката: страстная натура, Елагин тем самым невольно подыгрывал «театру абсурда» возлюбленной. Очарованный герой, застрелив Сосновскую, выполнил ее приказ. Таким образом, игра вместе с создателем прекратила свое суще-

ствование, на смену «преображающим» декадентским жизненным практикам приходит реальная действительность. Именно поэтому запланированного самоубийства не последовало.

Таким образом, с точки зрения криминалистики, оба героя составляют единый экзогенно-эндогенный преступный тип. Носителем идеи здесь является Сосновская: философия декадентства пропитала героиню насквозь, все глубже приближая ее к смертельному финалу. Жажда славы для нее приоритетнее жизни. Елагина подтолкнули на преступление внешние обстоятельства: дикая страсть, полностью подчинившая его воле Сосновской; поведенческие тактики возлюбленной, вызывающие ревность у героя, разговоры о смерти, мрачный интерьер комнаты, вещная и коммуникативная атрибутика. Если в рассказах «Петлистые уши», «Дурочка», «Три рубля» героини экзогенного типа в большинстве случаев автором маркируются негативно, то Елагин как экзогенный преступник имеет положительную коннотацию. А эндогенность преступного образа Сосновской, наоборот, у Бунина не находят никакого оправдания. Такой концептуальный ход не случайно избран автором: писатель своей целью ставит критику и обличение губительной философии декадентства, разрушающей жизни, как ее пропагандистов, так и случайно попавших и запутавшихся в ее сетях людей.

Библиографический список

1. Бунин И. А. Солнечный удар: роман, повести, рассказы. – М. : Эксмо, 2014. – 640 с.
2. Ворожейкин Е. М. Судебные речи известных русских юристов. Сборник 3-е изд., испр. – М. : Госюриздат, 1958. – 871 с.
3. Грачева А. М. Рецепция символизма в эмигрантском творчестве И. А. Бунина («Дело корнета Елагина») [Электронный ресурс]. – URL:http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?gid=45&option=com_docman&task=doc_view (Дата обращения: 12.02.2016).
4. Ерофеева К. Л. Виды преступных типов в рассказах И. А. Бунина // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. Электронный сборник статей по материалам XII студенческой международной заочной научно-практической конференции. – Москва : Изд. «МЦНО». – 2014. – № 5 (12). URL: [http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/5\(12\)](http://www.nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/5(12)).
5. Кучеровский Н. И. И. Бунин и его проза. – Тула : Приокское кн. изд-во, 1980. – 506 с.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ АРХЕТИПОВ В ГЕНДЕРНОЙ ПСИХОЛОГИИ

А. В. Воронова

*Аспирант,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль, Россия*

Summary. In the article the concept of archetypes by K.G. Jung and its development in gender psychology are being considered. It pays attention on the existence of different classifications of gender archetypes, presented by psychologists of Jungian direction. It concludes about importance and prospect of the development of this direction in psychology.

Keywords: gender psychology; gender; archetypes.

Вопрос полоролевых различий относится к числу «вечных» проблем, над которыми философы и ученые размышляют не одно столетие. Практически каждое направление психологии касается данной темы. В последние десятилетия XX в. в науке, в том числе, в психологии, возникло гендерное направление, рассматривающее гендер как социальный конструкт, продукт общественной культуры. Гендерная проблематика присутствует в различных направлениях психологии, предлагающих разные подходы и концепции к рассмотрению данных вопросов. На наш взгляд, одной из наиболее интересных и перспективных концепций является теория архетипов, автором которой, как известно, является великий швейцарский психолог К. Г. Юнг. Сегодня данная концепция успешно развивается в трудах психологов юнгианского направления.

Согласно взглядам К. Г. Юнга, архетипы – это определенные схемы инстинктивного поведения, которые содержатся в коллективном бессознательном. По утверждению Юнга, в бессознательном мужчины существует унаследованный коллективный образ женщины – Анима, а в бессознательном женщины, соответственно, образ мужчины – Анимус. Данные архетипы оказывают существенное влияние на развитие личности человека. Так, «охваченной анимусом женщине всегда грозит опасность потерять свою женственность, свою хорошо прилаженную женскую персону, точно так же как мужчина в подобных обстоятельствах рискует феминизироваться. Такие психические изменения пола зиждутся исключительно на том, что функция, относящаяся к внутреннему миру, оборачивается наружу». [8, с. 279] В целом, Юнг придерживался традиционных взглядов на особенности личностей женщин и мужчин, согласно которым личность женщины характеризуется субъективностью, восприимчивостью, пассивностью. Рациональность, духовность и способность действовать решительно Юнг считал мужскими качествами. Однако Юнг утверждал, что приписывать низшее сознание женщине нельзя, оно просто отличается от сознания мужчин: «...

как женщинам часто бывают понятными вещи, до которых мужчине еще долго брести в потемках, так же, естественным образом, и у мужчины есть сферы опыта, которые для женщины еще пребывают в тени неразличения...» [8, с. 275] По мнению Юнга, для женщины важнее и интереснее личностные отношения, тогда как для мужчины – объективные факты и их взаимосвязи. Этим объясняются различия в сферах деятельности женщин и мужчин. Согласно Юнгу, существует несколько аспектов Анимы (Ева, София, Елена, Мария) и Анимуса (Царь, Воин, Маг, Возлюбленный).

Современные психологи-юнгаицы, взяв за основу данную концепцию, создали различные классификации женских и мужских архетипов.

Отечественный психолог В. В. Козлов расширил классификацию Юнга, используя теорию гун философской школы санкхьи, которая широко раскрыта при описании дхарм (целостностей психических состояний) в буддизме. Гуны определяют образ жизни, мышление и деятельность души, которую они обуславливают. Козлов выделяет в каждой архетипической реализации Анимы и Анимуса три аспекта: сатья – уравновешенное, духовное, возвышенное, гармоничное, благое начало; раджас – подвижное, чувственное, эмоциональное, вовлеченное, деятельное, стремящееся начало; тамас – косное, инертное, темное, деструктивное, разрушительное начало [5].

Архетипы, существующие в коллективном бессознательном, – это первоначальные универсальные образы. Они хорошо видны в мифах и сказках, в которых аккумулирован колоссальный человеческий опыт. Поэтому современные психологи-юнгаицы часто обращаются к мифологии.

К. П. Эстес в своей работе «Бегущая с волками» обращается к образу Первозданной Женщины – архетипу, с помощью исследования которого можно «возродить угасающую женскую жизненную силу и восстановить повадки естественной, инстинктивной души, а через ее олицетворение в архетипе Первозданной Женщины... постичь разнообразные проявления глубочайшей женской природы» [7, с. 3]. Согласно утверждению Эстес, Первозданная Женщина – это источник женственности и интуиции. Каждая женщина должна стремиться обрести этот образ, чтобы познать себя и свою силу. Современная женщина все больше отдаляется от Природы и Первозданной Женщины: «Первозданная Природа и Первозданная Женщина – два вида, которым угрожает полное исчезновение. На протяжении длительного времени женская инстинктивная природа подвергалась гонению, грабежу и злоупотреблениям. Подобно любой дикой природе, она всегда страдала от неразумного обращения... В ходе истории духовные земли Первозданной Женщины опустошались и выжигались, ее убежища сносились бульдозерами, а естественные циклы превращались в искусственные ритмы ради ублажения других» [7, с. 15]. Эстес анализирует различные мифы и сказки, т.к. именно в них содержатся образы, понимание которых позволит женщине найти ключ к себе и обрести гармонию.

Интересную концепцию женских и мужских архетипов, основанную на анализе древнегреческих мифов о богах, предлагает психолог Джин Шинода Болен. По ее мнению, в каждом человеке присутствует архетип какого-либо древнегреческого бога или богини. Эти архетипы, внутренние схемы, определяют различия между людьми. Важной особенностью данной концепции является то, что она основана не на утверждении о существовании единственной правильной схемы личности женщины или мужчины, а на наблюдениях за «многообразием нормальных различий в женской и мужской психологии» [2, с. 11]. В работе «Богини в каждой женщине» Болен предлагает типологию женщин, основанную на образах древнегреческих богинь: Геры, Деметры, Персефоны, Афины, Артемиды, Афродиты, Гестии. Греческие богини – это те образы, которые живут в человеческом воображении уже более трех тысячелетий. Как архетипы они способны определять и качество, и направленность жизни женщины. В личности женщины может преобладать тот или иной образ богини, это зависит от различных факторов: состояния организма (в частности, от уровня гормонов), особенностей социальной среды, конкретной жизненной ситуации. Аналогичная классификация мужских архетипов представлена в работе «Боги в каждом мужчине». Болен выделяет следующие архетипы богов, влияющие на личность мужчины и его взаимоотношения с окружающими: Зевс, Посейдон, Гадес, Аполлон, Дионис, Гермес, Арес и Гефест. Общество оказывает большое влияние на развитие личности, одни боги и богини поощряются, другие – наоборот, отвергаются, в зависимости от того, какие требования предъявляются мужчинам и женщинам. Стремление соответствовать стереотипам может иметь негативные последствия для личности: «Когда мужчины (и женщины) отсекают от себя архетипы, не вмещающиеся в прокрустово ложе, а также эмоциональные связи с людьми, которые предположительно отстанут на пути к намеченным целям, происходит самое настоящее психологическое самоизувечивание. Более того, поскольку мужской стереотип включает в себя умение контролировать свои эмоции, мужчины также беспощадно отсекают от себя и собственные чувства» [1, с. 199].

Джеймс Холлис, еще один представитель юнгианского направления психологии, обращается к проблеме формирования личности мужчины, основным трудностям, которые мужчины испытывают на протяжении своей жизни. Холлис обращается к мифическому образу Сатурна – бога, который поедал собственных детей, несших угрозу его власти. Современные мужчины, по мысли автора, находятся под тенью Сатурна, т.е. под гнетом образа Мужчины – человека, который должен все время соответствовать своей роли и отвечать определенным социальным ожиданиям. В ходе своего развития мужчина сталкивается со множеством трудностей. Одним из наиболее важных факторов, влияющих на судьбу мужчины, является материнский комплекс, а точнее, проблема его преодоления. В древности для

мальчиков-подростков устраивались особые ритуалы инициации, символизирующие отделение от матери и переход к взрослой жизни. В современном западном обществе не предусмотрено никаких переходных ритуалов. От мужчины ожидают, что он станет взрослым, познает себя и будет соответствовать своей «мужской идентичности», но что означает «мужская идентичность» и как ее достичь, никто объяснить не может. Значительной проблемой становится является отсутствие отца и других мужчин в окружении мальчика или слишком ограниченное общение с ними. Д. Холлис следующим образом формулирует основную проблему современного мужчины: «Он страдает от сатурнианского бремени уготованной ему роли, которая скорее ограничивает, чем освобождает. Не обладая божественным видением, он страдает от душевных изломов. Его просят быть мужчиной, но при этом никто не может внятно сказать, что это значит, не считая самых банальных понятий. Его просят превратиться из мальчика в мужчину, но он не имеет ни малейшего представления о том, что значит быть зрелым мужчиной без всяких переходных ритуалов, без мудрых старейшин, которые могли бы подготовить его к этому превращению и совершить его вместе с ним. Его травмы не вызывают трансформации, они не приводят к углублению осознания и не делают богаче его жизнь» [6, с. 53].

К этой же проблеме обращается Роберт А. Джонсон в работе «Он: глубинные аспекты мужской психологии». Джонсон анализирует проблемы, с которыми сталкивается каждый мужчина через миф о Короле-рыбаке и Святом Граале. В центре внимания также находятся отношения мужчины с его внутренней анимой, материнский комплекс, переход к взрослой жизни.

В работе «Она: глубинные аспекты женской психологии» Джонсон рассматривает особенности психологии современной женщины через миф о Психее. В нем, по его мнению, отражены сложности, с которыми сталкивается каждая женщина в процессе своего личностного развития.

По мнению Р. Джонсона, мифы играют огромную роль в жизни людей, в них заключена информация, которая актуальна во все времена: «Поскольку биологическая природа человека с античных времен сохранилась неизменной, не изменилась и его бессознательная психическая динамика... Вот почему для изучения личности и основных типов поведения человека весьма полезно выйти на самые ранние источники. Они способны показать истинную картину, хотя нам не всегда хватает умения ее распознать» [3, с. 2].

Психологи Р. Мур и Д. Джиллетт в работе «Король, Воин, Маг, Возлюбленный» также указывают на большую значимость отсутствия переходных ритуалов, символизирующих наступление взрослости для мужчин. По их мнению, патриархат – это проявление так называемой «мальчишеской психологии» (Boy psychology), незрелой маскулинности, имеющей деструктивный характер, и мужчинам необходимо достичь настоящей зрелой маскулинности с помощью глубоких источников маскулинной энер-

гии, которые есть в каждом. Этими источниками являются архетипы. Авторы выделяют четыре архетипа мальчика: Божественный Ребенок, Одаренный Ребенок, Ребенок-Эдип, Герой, а также четыре архетипа мужчины: Король, Маг, Возлюбленный и Воин. К тому же, каждый из данных архетипов имеет трехмерную структуру, отражающую их различные формы выражения. Архетипы мальчика (незрелая маскулинность) и архетипы мужчины (зрелая маскулинность) в их различных проявлениях, позитивных и негативных, представлены в виде пирамид.

Это лишь некоторые классификации гендерных архетипов, однако их достаточно много. Главной причиной такого интереса к мифологии мы считаем состояние современного общества, в котором люди оказались оторванными от природы, лишены опор и ориентиров. По мнению Мур и Джиллетт, важной проблемой является то, что современный человек потерял ту систему ритуалов и символов, которая позволяла людям в древности достичь зрелой маскулинности и зрелой фемининности. Современные люди живут под проклятием «инфантилизма» [9, с. 143] и для того, чтобы обрести зрелость необходима индивидуальная внутренняя работа с самим собой. Мур и Джиллетт предлагают использовать такие технологии, как активное воображение (диалог с внутренними образами), вызов (работа с визуализированными образами архетипов), восхищение (работа с визуализированными образами конкретных людей, олицетворяющих данные архетипы), действие «как будто» (сознательное формирование поведения, соответствующего тому или иному архетипу).

В каждом человеке сосуществуют разные архетипы, и то, какой архетип будет доминировать в конкретный период времени, зависит от различных условий. Модель архетипов в данном случае напоминает модель частей, принятую в нейро-лингвистическом программировании. Осознание существования в бессознательном человека различных архетипов, развитие умения управлять ими может помочь человеку лучше понять себя и решить многие психологические проблемы.

Таким образом, концепция архетипов, созданная Юнгом, успешно развивается его последователями. Психологи юнгианского направления обращаются к мифологии, стремясь найти ответы на многие вопросы, связанные с развитием человека. В гендерной проблематике можно выделить некоторые общие вопросы: особенности психологического развития мужчин и женщин, трудности, связанные с взрослением и постижением своей гендерной роли, взаимоотношения с родителями и их влияние на становление личности человека. Безусловно, мифология содержит в себе колоссальное количество информации, многовековую мудрость человечества. Учитывая тот факт, что многие мифы и сказки разных народов очень схожи между собой в плане сюжетов, можно говорить об универсальном характере определенных образов, представленных в них. Нам представляется, что концепцию архетипов в гендерной психологии нужно развивать,

т.к. использование опыта предков может помочь современным мужчинам и женщинам осознать особенности своей психологии, понять друг друга и найти новые ресурсы для полноценного развития потенциала, заложенного в каждом человеке.

Библиографический список

1. Болен Д. Ш. Боги в каждом мужчине. Архетипы, управляющие жизнью мужчин. – М. : ООО Издательский дом «София», 2005.
2. Болен Д. Ш. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь / пер. Г. Бахтияровой и О. Бахтиярова. – М. : ИД «София», 2005.
3. Джонсон Р. А. Он: глубинные аспекты мужской психологии / пер. В. Мершавка. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 1998.
4. Джонсон Р. А. Она: глубинные аспекты женской психологии / пер. В. Мершавка. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 1998.
5. Козлов В. В. Интегративная психология: Пути духовного поиска, или освящение повседневности. – М. : Психотерапия, 2007. – 528 с.
6. Холлис Д. Под тенью Сатурна: мужские психические травмы и их исцеление. – М. : Когито-Центр, 2005.
7. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях / пер. Т. Науменко. – К. : «София». – М. : ИД «Гелиос», 2002. URL: <http://psylib.org.ua/books/estes01/>
8. Юнг К. Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного / пер. с нем. – М. : Канон+. 2003. – 320 с. – (История психологической мысли в памятниках).
9. Moore R. King, Warrior, Magician, Lover. Recovering the Archetypes of the Mature Masculine. / Robert Moore and Douglas Gillette. – 1st ed. // Library of Congress Cataloging in Publication Data.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛА ЛИЦА КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

В. Ю. Деминова

*Студентка,
Алтайский государственный
университет, г. Барнаул,
Алтайский край, Россия*

Summary. As the title implies the article describes the problem of sex change. A mention should be made that the legal aspect of the problem remains poorly studied. Much attention is given to the issue of transfer of rights, duties and responsibilities for the person who change their sex. Conclusions are drawn about how to assign punishment to these persons and choose the type of correctional institution.

Keywords: sex change; transgender; criminal law; responsibility; imposition of penalty.

Мы живем в эпоху смены ценностных ориентиров. Что ранее признавалось аморальным, сейчас таковым не является. В последние годы

набирает обороты такое явление, как смена пола, еще полвека назад вызывавшее негодование.

Современное право не всегда успевает за течением жизни. В контексте смены пола это ставит перед обществом важные вопросы: появляется ли новая личность? должен ли «новорожденный» нести ответственность за поступки, совершенные до перемены пола [12, с. 80]? Правовые проблемы, возникающие при смене пола, в литературе еще не получили широкого освещения, что объясняется отсутствием правового регулирования данного процесса и его последствий.

Что такое «личность». Философия определяет это понятие как динамическую, относительно устойчивую целостную систему интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, выраженных в индивидуальных особенностях его сознания и деятельности [13, с. 645]. Наиболее полно личность можно описать как единство следующих характеристик: А) имя; Б) внешний облик; В) пол; Г) социальные качества и другие.

Взятые в отдельности, названные элементы не способны дать представление о личности, поскольку не являются самодостаточными. Так, смена пола сопровождается сменой облика, имени, но не затрагивает социальные качества личности. Эту мысль иллюстрирует пример программ защиты прав свидетелей. Такой человек, изменив в себе практически все, продолжает себя ощущать прежним.

Деление людей на мужчин и женщин кажется нам очевидным. Однако современные данные, полученные медициной, поднимают проблему легальной дефиниции пола на иной уровень: вопрос о том, кого можно считать мужчиной или женщиной, смещается к вопросу о правомерности считать лицо мужчиной или женщиной.

Наукой выделяются несколько характеристик, которые составляют комплексное понятие «биологический пол»: хромосомный пол должен соответствовать внешнему облику человека [11, с. 34]. Вместе с тем около 2% новорожденных едва поддаются диморфному описанию. Это возможно при наличии заболеваний, например, синдрома Клайнфельтера, Морриса [1, с. 151–161].

В Индии Верховный суд официально признал наличие 3 полов [8]. Отдельные исследователи допускают наличие 5 полов человека [2, с. 20–25]. Для нашей же страны характерно традиционное понимание полов. Деление людей на мужчин и женщин в России настолько глубоко вошло в историю, культуру, что отход от этого в правовом аспекте невозможен без отхода в аспекте социальном [9].

Права, обязанности и несение ответственности за прежнего себя. Права лиц с расстройствами половой идентификации рассматривались Европейским судом справедливости в делах *P v S and Cornwall County Council* (1996) [4], *K.B. v NHS Pensions Agency* (2004) [3], *Richard v Secretary of*

State for Work and Pensions (2006) [5], где отмечено, что действующие акты ЕС предполагают для них такой же уровень защиты от дискриминации.

Если сопоставить перемену пола смене имени, то нет оснований для прекращения прав и обязанностей: они закреплены за лицом, а оно лишь переходит из одного качества в другое [14, с. 92–93].

В Болгарии рассматривалось дело Средко Ичкова (кража). Вину свою он признал, однако за 12 месяцев, в течение которых он находился под залогом, Средко сделал операцию по смене пола и стал женщиной по имени Албена. Судья признал, что при смене пола появляется новая личность, которая не должна отвечать за деяния, совершенные прежней [6].

Нельзя согласиться с данным решением. В подобных ситуациях должны выноситься решения, где не будет учитываться пол в момент совершения деяния. Таким образом, при смене пола лицу в новом качестве принадлежат не только права и обязанности, но и ответственность за поступки «прежнего себя».

Назначение наказания и вида исправительного учреждения. Уголовный закон в разделе III (Наказание) предусматривает гендерный подход к назначению наказания и при назначении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения.

На практике возникают сомнения, в какой – мужской или женский – СИЗО поместить лицо, сменившее пол или не определившееся с полом; в какую колонию его определить. На первый взгляд кажется, что проблем нет: по документам. А если лицо в следствие смены пола еще не поменяло паспорт или идентифицирует себя представителем другого пола?

Подобная история произошла с Дмитрием Кожуковым (Алина Дэвис) летом 2015 г. Полицейские не смогли решить, в какой СИЗО определить задержанного Дмитрия за хранение наркотиков. По паспорту он мужчина, а внешне схож с женщиной. Правоохранители усомнились: определить Алину в мужской изолятор значило бы нарушение его прав и психического состояния.

Также осенью 2015 года суд Великобритании приговорил трансгендера Тару Хадсон, мужчину от рождения, к отбыванию наказания в мужской колонии. Несмотря на то, что подсудимый выглядел, как девушка, суд решил ориентироваться только на паспортные данные.

Аналогична история Б. Мэннинга, гражданина США, осужденного за передачу данных порталу Wikileaks. Он заявил, что всегда чувствовал себя женщиной. Если ему удастся сменить пол, у него есть законные шансы попасть в женскую колонию. Также он может ходатайствовать о смене исправительного учреждения, ведь в США для этого есть все возможности (есть отдельные камеры для неопределившихся с полом).

Возможна ли такая практика в России? По мнению адвоката А. Артюнова, Д. Кожуков может написать заявление на содержание в одиночной камере [7]. В целом это объективно и не требует больших затрат.

О том, что в России пора озаботиться безопасностью этой категории заключенных, заявил член общественного совета ФСИН В. Гриб. Он уточнил, что речь идет о создании отдельных камер и блоков, а в будущем и тюрем, а направлять в них будут только после прохождения медицинской экспертизы, где врачи-эксперты придут к выводу, к какому полу лицо относится [10]. Данная практика успешно действует за рубежом.

Предлагается и иной выход. В качестве меры пресечения будут избирать домашний арест, во время которого лицо определится с полом и приведет себя в соответствие с ним [10].

В заключение необходимо сказать, что проблемы, связанные с переменной пола общество только осмысливает. Незавершенность юридической составляющей данной категории позволяет ученым давать ей неоднозначные оценки с позиции медицины и права. Уже можно говорить о появлении нового направления человеческих отношений. Задача права – найти приемлемое решение данных проблем.

Библиографический список

1. Blackless M. et al. How Sexually Dimorphic Are We? // American Journal Human. Biology. – 2000. – № 12.
2. Fausto-Streling A. The Five Sexes: Why male and female are not enough // The Science. 1993. May/April.
3. K. B. v NHS Pensions Agency (Case C-117/01) // European Court reports. – 2004.
4. P v S and Cornwall County Council (Case C-13/94) // European Court reports. – 1996.
5. Richard v Secretary of State for Work and Pensions (Case C-423/04) //17/6/2006 EN official journal of the European Union.
6. По материалам сайта: <http://echo.msk.ru/news/271207.html>
7. По материалам сайта: <http://lifenews.ru/news/161581>
8. По материалам сайта: <http://russian7.ru/2014/04/tretij-pol-ot-indii-do-samoa/>
9. По материалам сайта: http://www.psychiatry.ru/lib_show.php?id=14
10. По материалам сайта: <http://www.strana.ru>
11. Салагай О.О. Дефиниция биологического пола человека в международном и национальном праве // Государство и право. – 2011. – № 6.
12. Тарасенко Ю.А. Перемена пола: возможна ли «реорганизация» человека? // Законодательство. – 2007. – №11.
13. Философия: учебник для вузов / под ред. В. В. Миронова. – М., 2005.
14. Шишкина Ю. С. Проблема понимания категории «изменение пола» в России // Законодательство. – 2012. – № 8.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ГЕНДЕРА В ЛИНГВИСТИКЕ

Т. В. Овсиенко,
И. Ю. Абракова

*Кандидат филологических наук, доцент,
студентка,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. In our article we put forward the task to examine the definition of «gender» from different points of view. We show the key stages of its introduction into science, with the terms «sex» and «gender» different in meaning. A lot of attention is paid to the study of gender from linguistic point of view, with a general idea of the category of gender in international, feminist and Russian linguistics being given.

Keywords. gender; sex; gender research; gender system; international linguistic; Russian linguistic; feminist linguistic; category of gender.

Социально и культурно значимые различия в поведении, обычаях и социализации в целом мужчин и женщин спорадически фиксировались в научном описании, особенно в антропологии и этнографии. Однако идея о разграничении понятий биологического пола и пола социального (гендер) возникла лишь в период постмодернизма [8, с. 16].

Известно достаточное количество определений гендера. Так, например, рассматриваемое понятие трактуется в работах М. Розальдо, Л. Рамфере, Р. Унгер и А. Рич как набор соглашений, посредством которых общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт активности человека.

В научный оборот термин «гендер» был введен в 1968 г. известным американским психологом Робертом Столлером, который выдвинул идею об использовании его для обозначения социальных и культурных аспектов пола. Ранее оно использовалось только для обозначения грамматического рода.

Первыми идею дифференциации понятий «пол» и «гендер» положительно оценили антропологи. Изучая различные общества, они выявили существенные различия в осознании того, что есть мужчина и женщина в том или ином обществе.

Далее в 1972 г. выпускается в свет книга «Женщина, культура и общество под ред. Розальдо и Ламфере. В одной из статей этой книги – «Сотносится ли женское с мужским так же, как природное с культурным», написанной Шерри Ортнер, рассматривается универсальность и символическое значение отождествления феминного с природным, а маскулинного с культурным.

Одной из первых работ, отражающей достаточно отчетливо различие понятий «пол» и «гендер», является работа Гейл Рабин «Обмен женщинами». Автор смогла доказать, что именно обмен женщинами между племенами воспроизводит мужскую власть и структуры гендерной идентичности

в семье. Кульминация процесса – это вытеснение женщин в домашнюю сферу и сведение их к «естественным» функциям. Г. Рабин также ввела понятие поло-гендерной системы.

Сегодня в лингвистической литературе можно наблюдать отсутствие последовательного употребления термина «гендер», имеющего своеобразную историю закрепления в языке. Английский термин *gender*, которым обозначают грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также политический дискурс. В языкознание же гендер стал известен немного позднее из сферы социальных наук, когда гендерные исследования начали приобретать междисциплинарный характер [5, с. 24–25].

Стоит также отметить, что существуют различные точки зрения на природу гендера. Так, с одной стороны, некоторые ученые относят его к мыслительным моделям, которые разрабатываются для более точного научного описания проблем пола в языке, а также для разграничения его социокультурных и биологических функций. С другой стороны, другие специалисты называют гендер социальным конструктом, который создается обществом посредством языка.

Наибольшую известность получили концепция социального конструктивизма и теория интеракционизма [6, с. 6].

Т. к. понятие «гендер» появилось относительно недавно, иногда достаточно трудно дифференцировать понятия «пол» и «гендер» при чтении специальной научной литературы. Кроме того, в русскоязычной литературе наиболее часто применяются дериваты «гендера», а именно гендерные исследования, гендерные аспекты, гендерные отношения, гендеристы, гендерология. Основное отличие заключается в том, что пол имеет отношение к биологической категории в контексте гендерного конструирования, а гендер – к категории процесса. К последней категории можно причислить обучение, овладение действиями поведения, которые соответствуют, или, наоборот, не соответствуют определенному гендерному статусу, а также так называемое «вхождение» в роль. Можно сказать, что гендером называется концепт-структура, в частности структура поведенческих моделей и в первую очередь структура господства и подчинения, структура сфер социального пространства – публичного (мужского) и приватного (женского) [14].

Противопоставление и полярность составляют структуру конструирования гендера. В целом, под гендерной системой понимается отражение ассиметричных и культурных оценок и ожиданий, адресованных людям в зависимости от гендерной принадлежности. О. А. Воронина под гендерной системой подразумевает социально сконструированную систему неравенства по полу [2].

Гендерные исследования основаны на принципе междисциплинарности, который реализуется как на уровне исследования конкретных про-

блем, так и на уровне обоснования гендерной асимметрии развития общества в целом [9]. В настоящее время данные исследования проводятся в различных науках, таких как социология, экономика, демография, философия, антропология, история, политология, психология, культурология, этнография, семиотика, и, конечно, лингвистика и социолингвистика.

Особое внимание в работе хотелось бы уделить рассмотрению понятия «гендера» с лингвистической точки зрения. Стоит напомнить, что данный термин появился в современной лингвистике позже, чем в других науках. Гендерная проблематика стала одним из приоритетных направлений в современных научных исследованиях конца XX – начала XXI веков, объектом изучения которых являлся человек и его взаимосвязи с обществом и окружающим миром [10]. Ученые считают гендерные исследования одним из самых важных явлений современной лингвистики последних десятилетий и говорят о возникновении новой научной исследовательской парадигмы – гендерной парадигмы [12, с. 28–37]. Основополагающими работами по исследованию гендера в области лингвистики считаются труды американских и немецких авторов. Именно в работах таких немецких ученых, как Ф. Маутнер и О. Есперсен, были признаны гендерные различия в языке, которые доказывались историческими и социальными причинами.

Благодаря расцвету феминистического движения в США и Германии, что, в свою очередь, является одной из причин возросшего в те годы интереса к проблеме гендера, возникла феминистская лингвистика. Ее представители ведут борьбу за равноправие женщин и мужчин, за пересмотр устаревших концепций во всех областях гуманитарных знаний, за разоблачение сексизма и патриархата как фактора появления мужского доминирования в общественной и культурной жизни [11, с. 52]. Они исследуют гендерные асимметрии в языке на основе гипотезы Сепира-Уорфа, согласно которой язык является средством формирования мышления и ментальности. С их точки зрения, асимметрии в языковой системе направлены против женского пола, т.к. языки строятся на основе мужской картины мира. Эти асимметрии получили название языкового сексизма. Под воздействием патриархатных стереотипов, закрепленных в языке, его носителям навязывается определенная картина мира, где женщины играют второстепенную роль [6, с. 29].

Толчком к интенсивному развитию гендерных исследований в современной лингвистике послужил научный труд Р. Лакофф «Язык и место женщины» (1975), в котором были названы следующие отличительные признаки женского пола:

- специализированный словарь, связанный со сферами исключительно женской деятельности;
- особенности в цветообозначении (более точное обозначение цвета и его оттенков);
- аффективные прилагательные и слова-интенсификаторы;

- разделительные вопросы;
- слова и фразы, смягчающие категоричность выражения;
- супервежливость;
- склонность к эвфемизмам;
- гиперкорректность и т. д.

Основные идеи Р. Лакофф послужили объектом дальнейших уже отдельных исследований. Так, например, коммуникативный акт рассматривается в парах, которые состоят из представителей различных гендерных категорий. На подтверждение гипотезы Р. Лакофф были направлены работы П. Фишмана (1978), который изучал экспериментальные записи бесед супругов, и М. Хартмана (1976), который исследовал беседы пожилых людей. Но, следует отметить, что большинство проведенных экспериментов подтвердило лишь частичную правоту гипотезы Р. Лакофф, что повлекло за собой развитие социолингвистических исследований внутри исключительно женского круга общения.

Таким образом, феминистская лингвистика оказала огромное влияние на изучение проблемы гендера в языкознании. Был введен ряд новых лингвистических терминов, а также расширена трактовка концепта «языкового поведения». Феминистская лингвистика содействовала более глубокому изучению отдельных языковых систем, и позволила женщинам увидеть себя с другой стороны – «через язык», по-другому выразить себя в языке, и просто быть услышанными [11, с. 54].

Что касается отечественной лингвистики, началом развития лингвистической гендерологии принято считать 80-е – 90-е годы XX века. В это время завершился начальный этап становления данного направления, и лингвистическая гендерология выделилась в самостоятельное научное течение в языкознании, занимающееся исследованием гендерных аспектов языка и коммуникации [3, с. 97]. Последовательное развитие гендерных исследований наблюдается в трудах таких ученых, как О. А. Воронина, А. В. Кирилина, М. М. Малышева, И. И. Халеева, И. Г. Ольшанский и других.

Так, например, изучая гендерную категорию в лингвофилософском аспекте, И. И. Халеева соотносит ее с понятием «дискурса». С этой точки зрения гендер выступает как интрига, как вид дискурса, как «ментальное пространство, опосредованное онтогенетически и гносеологически и обусловленное социокультурной данностью конкретного лингвокультурного сообщества» [15, с. 106].

И. Стернин же различает мужчин и женщин в вербальном общении и изучает особенности коммуникации с ними. Кроме того, он разрабатывает модель описания национального коммуникативного поведения, которая предполагает последовательное описание поведения народа в процессе коммуникации, выделяет «языковой паспорт говорящего», на основе которого можно наряду с возрастом, профессией, местом жительства, национальностью установить его гендерную принадлежность. «Языковой пас-

порт говорящего – это то впечатление, которое он создает о себе своей речью» [13, с. 59].

Необходимость в делении языковой личности на языковую личность мужчины и языковую личность женщины находит свое отражение в работах О.Л. Каменской. Она убеждена, что вышеупомянутое разделение может стать таким системообразующим фактором, который будет обладать способностью, интегрировать отдельные аспекты феномена гендера в единое целое [4, с. 13].

Также гендерными вопросами в отечественной лингвистике активно занимается А. В. Кирилина, которая одной из первых рассмотрела вопрос о разграничении научного и феминистического подхода к изучению гендера. Ею же была предложена двухъярусная модель, состоящая двух уровней: метагендерного (общечеловеческого) и гендерного (учитывающего пол) [7, с. 5–12].

На сегодняшний день исследования в области гендера в отечественной лингвистике продолжают развиваться и проводятся уже по большому количеству направлений:

- изучение представлений о гендере (концепты «мужественности» и «женственности», гендер на разных уровнях языка);
- гендерная специфика вербального и невербального коммуникативного акта;
- отражение гендерных стереотипов в социальном и языковом сознании;
 - гендер в лексикографии;
 - гендер в рекламе;
 - гендер в СМИ;
 - гендер в криминалистике;
 - гендер в интернете;
 - гендер в художественном тексте [1].

Таким образом, гендерная категория была введена в понятийный аппарат науки в 60-е – 70-е годы прошлого века и использовалась первоначально в истории, историографии, психологии и социологии, а затем также в лингвистике. Гендер является одной из существенных характеристик личности и значительно влияет на ее осознание своей идентичности, т.к. он учитывает человеческий пол и его социальные последствия. В исследовании гендерных ролей внутри социума лингвисты видят возможность проникновения в глубинные смыслы культуры, в специфику национального сознания и национальной картины мира.

Библиографический список

1. Божанова Н. Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы – Вестник ТГУ. – № 5 – 2012. URL:

- <http://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-issledovaniya-v-lingvistike-istoriya-sovremennost-perspektivy> (дата обращения: 15.03.2016)
2. Воронина О.А. Глоссарий. Московский центр гендерных исследований. URL: <http://www.gender.ru/russian/glossary/#H0102> (дата обращения: 14.02.2016)
 3. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М.; Харьков : ИД ИНЖЭК, 2003. – 437 с.
 4. Каменская О. Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. – М. : Рудомино, 2002. – С. 13–19.
 5. Кирилина А. В. Гендер в лингвистике // Словарь гендерных терминов под ред. А. А. Денисовой. – М. : Информация XXI век, 2002. – С. 24–25.
 6. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 155 с.
 7. Кирилина А. В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: проблемы, связанные с бурным развитием // Гендер: язык, культура, коммуникация: материалы Второй Международной конференции, 22–23 ноября 2001 г. Москва. – М. : МГЛУ, 2002. – С. 5–12.
 8. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 252 с.
 9. Кирова А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике – Вестник ТГПУ № 8. – 2009. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gendernyh-issledovaniy-v-lingvistike> (дата обращения: 12.02.2016)
 10. Ментешашвили М. Гендерные исследования в зарубежной лингвистике URL: <http://www.nplg.gov.ge/gsd/cgi-bin/library.exe?e=d-01000-00---off-0period--00-1--0-10-0-0-0---0prompt-10--..-4---4---0-11-11-en-10---10-preferences-50-00-3-help-00-0-00-11-1-OutfZz-8-00-0-11-1-OutfZz-8-10&a=d&cl=CL3.1.13&d=HASH01d9cab574b0abf6e69073ff.3.6> (дата обращения: 14.03.2016)
 11. Овсиенко Т. В. Диагностирование личностных качеств авторов: гендерный и национальный критерии (на материале немецкого и русского детектива) : дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – 169 с.
 12. Рябов О. В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. – 2000. – № 3. – С. 28–37.
 13. Стернин И. А. Практическая риторика. – М. : Изд. центр «Академия», 2003 – 269 с.
 14. Усачева Н. А. Теория и методология современных гендерных исследований URL: http://giacgender.narod.ru/n_3m1.htm (дата обращения: 14.02.2016)
 15. Халеева И. И. Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации // Доклады Первой Международной Конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ. – Москва, 22–23 ноября 1999 г., – М. : МГЛУ, 2001. – С. 7–11.

IV. THE SOCIO-HISTORICAL, POLITICAL AND LEGAL BASIS OF GENDER EQUALITY

ЖЕНСКИЙ ФАКТОР В РЕМЕСЛЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ДАГЕСТАНА (XIX – НАЧ. XX ВВ.)

О. С. Мутиева

*Кандидат исторических наук, доцент,
Дагестанский государственный
институт народного хозяйства,
г. Махачкала, Республика Дагестан,
Россия*

Summary. The article deals with issues related to the role of the feminine factor in the production of crafts of Dagestan (early XIX – XX-th centuries). As the literature and sources, a female artisan labor was not only noticeable help the family well-being, but also an important factor in the development of the regional economy.

Keywords: Dagestan; woman; women crafts; craft work; carpet weaving.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с ролью женщин в ремесленном производстве Дагестана. Как показывают литература и источники, прерогативой женщин являлись многие виды ремесла и декоративно-прикладного искусства. Анализ источников позволяет сделать вывод, что ремесленный женский труд не только являлся ощутимым подспорьем семейного благосостояния, но и важным фактором развития экономики края.

Промыслы и ремесла в традиционном хозяйстве народов Дагестана истари занимали особое место, являясь неотъемлемой частью семейного производства, составляли значительную часть экономики населения.

Многие дореволюционные исследователи, а также путешественники, чиновники разного ранга и военные, оставившие свои записки о Дагестане, писали о развитии на высоком уровне художественного ремесла [2, 3, 4, 6, 7, 11, 12, 13, 14].

Интересные сведения о жителях с. Кубачи содержатся в трудах П. Г. Гербера, «особливо питаются рукоделием, ибо оные все люди мастеровые, у них делается самая лучшая серебряная работа, оружие, добрые сабли, панцири, и прочее, которое не токмо во всех здешних местах, но и в Персии и в Турецкой земле славно, и такое оружие с охотой покупают, отчего они все люди богатые...» [2, с. 45].

Весьма ценные сведения о занятиях народов Дагестана содержатся в трудах известного немецкого путешественника XVII в. Адама Олеария плоскостного Дагестана [7, с. 301], в записках голландского путешествен-

ника XVII в. Я. Я. Стрейса [11, с. 45] у турецкого путешественника Эвлия Челеби [14, с. 45]. Несмотря на то, что все эти авторы оставили нам фрагментарные сведения, не всегда и достоверные сведения, но их ценность, безусловно, не оспорима для исследования.

В 1882 г. вышла в свет работа О. В. Маргграфа, посвященная развитию кустарных промыслов на Северном Кавказе в целом, и в Дагестане в частности. Автор справедливо подчеркивает, что Дагестан являлся на тот момент ведущим центром по обработке шерсти и изготовлению шерстяных изделий на Северном Кавказе [6, с. 45]. Подробное описание занятий жителей Южного Дагестана, в частности, дает участник персидского похода 1796 г. секунд-майор Федор Филиппович Симонович, который пишет, что промышляют они «вообще сукном, коврами, попонами и другими шерстяными тканями, но в таковом рукоделии упражняется женский пол, а мужчины вырабатывают овчинные меха и другие кожи. Все сие рукоделие, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги» [12, с. 198].

Как показывают литература и источники, прерогативой женщин в Дагестане, являлись и многие виды ремесла и декоративно-прикладного искусства. Не одно производство не обходилось без участия женщин, которые, как правило, помогали мужчинам в подсобных операциях. Особо важное место в этом перечне, занимали обработка шерсти и изготовление изделий из нее. Почти в каждом хозяйстве Дагестана, в каждой его семье занимались прядением, ткачеством, вязанием, войлочным делом и пр.

Среди сугубо женских ремесел на первом месте находились ковровое производство и производство кавказского сукна и наплечных бурок.

Центры ковроткачества сложились в Дербенте и его окрестностях, таких как Белиджи, Мамедкала, Рубас, Рукель, Магарамкент, Мугерган и другие. Так как через Дербент проходили магистрального торгового пути, связывающего западные и восточные страны, то, разумеется, и производство ковров развивалось именно здесь. Широкое распространение получили ковровые центры в Южном Дагестане, такие как Ахты, Микрах, Мискинджи, Текипиркент, Усухчай, Куруш, Касумкент, Хучни Курах, Кабир, Рутул, Ихрек, Шиназ и др. [5, с. 37–41].

В незначительной степени было развито ковроткачество и среди аварских народов, в таких селениях как Тлярата, Хадиб, Кардиб, Гиндиб и Кутлаб, где аварские – мастерицы славились искусством изготовления ворсовых ковров «габа».

У кумыкских народов ковроткачество получило развитие уже к концу XIX – начало XX в. Кумыкские мастерицы сел. Кумторкала, Эндирей, Нижнее и Верхнее Казанище, Параул, Каякент производили безворсовые ковры, имеющие много общего с лезгинскими и табасаранскими коврами.

У даргинцев можно отметить такие центры ковроткачества, как Акуша, Усиша, Гента, Бутри, Муги, Гапшима, Леваши, Хаджалмахи, Мекеги, Мугри, Муртук, Урахи, Кубачи, Дейбук, Кища и др.

У лакцев, по сведениям А.Г. Булатовой, безворсовые ковры ткали мастерицы нынешнего Кулинского района в селениях Цовкра и Хосрех [1, с. 139]. Широкое развитие получили в лакских селениях паласы с узором в полоску («къя», «гъитта»), а в селение Вихли ткались еще и клетчатые паласы «чирчри» [1, с. 140].

Ковры и ковровые изделия производились как для дома, так и для продажи. Ковры и ковровые изделия продавали на местных рынках, вывозили в города России и Закавказья, отправляли за границу. 1905 г. из Кюринского округа разными скупщиками было вывезено ковров и паласов на сумму 279 945 руб. П. Ф. Свицерский писал, что «здесь за 35 рублей можно купить прелестный, тонкой работы сумах в сажень длиною и шириною, с своеобразными восточными узорами, прочной работы и нелиняющих красок» [13, с. 117].

С развитием ткацкого производства в XIX в., особенно в горных селениях широкое распространение получило сукноделие. Центрами сукноделия были Кубачи, Акуша, Балхар, Карата и целый ряд других селений аварцев, даргинцев и лакцев. Качественные сукна вырабатывались и у народов Южного Дагестана. Широко использовались в Южном Дагестане и акушинские сукна, и «кубинские шали». Производством сукна занимались и кумыкские женщины.

В производство войлока и войлочных изделий в Дагестане, были вовлечены как мужчины, так и женщины. Следует отметить, что в большинстве сел это был исключительно женский промысел, но в отдельных селах – мужское занятие. В частности, если у аварцев и лакцев войлочное производство является исключительно женским занятием, то у лезгин, этим занимались мужчины, а женщины принимали участие лишь во вспомогательных процессах.

Торговля бурками занимала видное место в товарообороте Дагестана. Так, в ведомости Дербентской таможенной заставы за 1813 г. отмечен вывоз из Дагестана «множества» бурок. При задержании торгового каравана из Дагестана в Грузию через Дидо обнаружено 2990 бурок. Через месяц был задержан еще один караван, среди товаров которого было 505 бурок. В 1827 г. из Дагестана в Шекинскую провинцию вывезено товаров на 150 тыс. руб. серебром, большая часть этой суммы приходилась на бурки, войлок и сукно. По официальным данным, если в 1830 г. из Дагестана было вывезено 7800 бурок [8, с. 32], то в 1870 г. бурок и других войлочных изделий было вывезено из Дагестана до 15600 единиц [9, с. 19]. В 70-е годы в сел. Анди, Гагатль, Риквани, Ансалта, Шодрода, и Инхо Андийского округа ежегодно женщинами производилось до 8 тыс. бурок, а к концу 80-х годов производство бурок и других изделий из войлока возросло до

61300 единиц [10, с. 17]. По данным Е.И. Козубского, на начало XX в. андийцы производили в год 30800 бурок, ботлихцы, тасуда-шодродинцы по 800, тандовцы – 80 бурок [3, с. 25; 4, с. 122].

В пореформенный период, скупщики-оптовики скупали изделия у мастериц на местах для последующей перепродажи.

Таким образом, ремесленный женский труд не только являлся ощутимым подспорьем семейного благосостояния, но и важным фактором развития экономики края. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что к концу XIX столетия в дагестанском обществе появились и окрепли первые ростки интереса женщин к экономической самостоятельности.

Благодаря высокому мастерству женщин-ремесленниц, в Дагестане сложились и сохранились по сей день, уникальные технологии в производстве сукна, бурок, ковров и ковровых изделий.

Библиографический список

1. Булатова А. Г. Лакцы: Историко-этнографическое исследование. XX – начало XX в. – Махачкала, 2000.
2. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. – Махачкала, 1968.
3. Козубский Е. И. Очерк кустарной промышленности Дагестанской области // Труды I съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе. – Тифлис, 1902.
4. Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура, 1895.
5. Лугуев С. А., Гусейнов К. М. О сложении ковроткачества в Дагестане и вопросы классификации ковров и ковровых изделий // Научное обозрение. – Махачкала, 2009. – № 46.
6. Маргграф О. В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.
7. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. – СПб., 1906.
8. Обзор Дагестанской области за 1830 г. Темир-Хан-Шура. 1831.
9. Обзор Дагестанской области за 1870 г. Темир-Хан-Шура, 1871.
10. Обзор Дагестанской области за 1889 г. Темир-Хан-Шура, 1890.
11. Стрейс Я. Я. Три путешествия. – М., 1935.
12. Симонович Ф. Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // История, география и этнография Дагестана XVII–XIX вв. – М., 1958.
13. Свидерский П. Ф. В горах Дагестана. – СПб., 1903.
14. Челеби Э. Книга путешествия: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – М., 1979.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В СПОРТЕ

А. А. Чечельницкий

*Студент,
Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко,
г. Старобельск, Украина*

Summary. The article proves that in the aforementioned sports can participate everyone, regardless of gender. However, should be taken into account the social aspects of the sport, because we have mentioned that with the shift of the poles in world sport – will not be destroyed socio-moral achievement of civilization, and the roles of men and women will not be changed and fatally mixed. The interests and experiences of women as well as men, should be a mandatory criterion for the development of common concepts of social development; their implementation, the execution of programs in different spheres of life, including in sports.

Keywords: sport; gender; swimming; equality.

На современном этапе создания государства трансформационные процессы обусловили необходимость использования понятия «гендер» во многих теоретических и практических преобразованиях современного общества. Следует отметить, что сегодня понятие «гендер» стали активно применять в процессе развития и изменения прав, свобод, обязанностей, ответственности мужчины и женщины, и возможностей их реализации в современных условиях [1, с. 118].

Гендерные барьеры всегда существовали в области спорта. Рассмотрим вопрос восприятия обществом женщин, которые совершенствуют свое спортивное мастерство в области бодибилдинга и мужчин, занимающихся синхронным плаванием.

Анализ научных и методических источников по проблеме гендерного равенства свидетельствует о наличии значительного фонда научных знаний в данном контексте. Теоретическими источниками для исследования данной проблемы были работы о реализации идеи гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в спорте (Т. Мельник [4]), а так же о формировании гендерных стереотипов (С. Оксамитна [5]). Однако вопросы особенностей процесса реализации идеи гендерного равенства в спорте требуют уточнений и доработок.

Цель статьи – определить особенности процесса реализации идеи гендерного равенства в спорте.

Исследования проблемы гендерного равенства становятся весьма актуальными. Равенство мужчин и женщин в политических и гражданских правах в нашем государстве впервые было закреплено в Конституции Украинской Народной республики в 1918 г. (ст. 11). После принятия Конституции УССР 1937 г. вопрос о равноправии мужчин и женщин в Укра-

ине считался решенным. Однако гендерная дискриминация оставалась распространенным явлением.

В 60–70 гг. XX века гендерные исследования привели к пониманию того, что проблема неравенства намного глубже, чем это представлялось. Вследствие этого были переосмыслены роли популярных стереотипов, формирование представлений о женском и мужском, о мужественности и женственности и др. [8].

Несмотря на то, что активные дискуссии о приемлемости женского спорта велись вплоть до начала Первой мировой войны, уже в начале XX века женщины постепенно начинали принимать активное практическое участие в физкультурно-спортивном движении. На современном этапе развития общества для изучения гендерных процессов в Украине важным является Закон Украины «Об обеспечении равных прав и возможностей женщин и мужчин» от 8 сентября 2005 г. № 2866 – IV [2, с. 53; 6].

Рассмотрим особенности процесса реализации идеи гендерного равенства в спорте, а именно в бодибилдинге и синхронном плавании. Женщины в бодибилдинге являются лучшим примером культурной трансформации, которая началась много лет назад и еще продолжается. Сегодня присутствие женщин в бодибилдинге является такой же обычной, как и в любой области. Женщины, которые принимают вызов и пытаются конкурировать в исторически мужских видах спорта – направлены на преодоление стереотипных образов.

В то время как бодибилдинг это спорт, в котором присутствие женщин стало привычным, то синхронное плавание является тем видом спорта, в котором мужчины действительно стали борцами со стереотипами. По всему миру каждое их выступление вызывает бурный ажиотаж. Человеком, который сломал барьеры и продемонстрировал человечеству как можно своей смелостью и желанием изменить представление в установленном виде спорта, есть Билл Мэй. Он заинтересовался спортом в возрасте девяти лет, когда присоединился к синхронизированному плаванию своей сестры за отсутствия чего-нибудь еще, что действительно нравилось бы ему [7].

Наряду с бодибилдингом, синхронное плавание – не более гендерно-ассоциативный вид спорта. И фактически как в случае с бодибилдингом так и с синхронным плаванием, нет никаких реальных физических причин чтобы запретить участвовать спортсменам другого пола в указанных видах спорта.

Таким образом, нами установлено, что в вышеупомянутых видах спорта может принимать участие каждый человек, независимо от пола. Однако, должны быть учтены социальные аспекты спорта, должны быть убеждения, что вместе со смещением полюсов в мире спорта – не будет уничтожено социально-нравственное достижение цивилизации, и роли мужчин и женщин не будут изменены и фатально смешаны. Интересы и

опыт женщин, как и мужчин, должны быть обязательным критерием при разработке общих концепций общественного развития, их воплощении в жизнь; при выполнении программ в разных сферах жизнедеятельности, в том числе и в спорте [3, с. 68].

Библиографический список

1. Гендерний паритет в умовах розбудови сучасного українського суспільства. – 2-е вид. доп. – К. : Укр. ін.-т соц. дослідж., 2003. – 240 с.
2. Гендерний розвиток у суспільстві : (конспекти лекцій). – 2-ге вид. – К. : ПЦ «Фоліант», 2005. – 351 с.
3. Кравець В. П. Гендерна педагогіка : навч. посіб. – Т. : Джура, 2003. – 416 с.
4. Мельник Т. М., Кобелянська Л. С. 50/50 : сучасне гендерне мислення : словник. – К. : К.І.С., 2005. – 280 с.
5. Оксамитна С. С. Гендерні ролі та стереотипи // Основи теорії гендеру : навч. посіб. – К., 2004. – С. 157–182.
6. Про забезпечення рівних прав і можливостей жінок і чоловіків : Закон України від 8 верес. 2005 р. № 2866-IV [Електронний ресурс]. – Режим доступу: zakon.rada.gov.ua>laws/show/2866-15. – Назва з екрана. – Дата звернення: 10.04.16.
7. Benz M. A. Experience Characteristics and Moral Hazard in Team Sports. Strategies in Markets for Experience and Credence Goods. – 2007. – P. 7–46.
8. O'Donnell G. Mastering Sociology. – Hampshire, 2002. – 426 p.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования

25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,22, • Research Bible за 2015 г. – 0,781, • РИНЦ за 2014 г. – 0,312.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor (Индия) за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami
Russian-Armenian (Slavic) State University
Dagestan State University

THE THEORY AND PRACTICE OF GENDER STUDIES IN WORLD SCIENCE

Materials of the VII international scientific conference
on May 5–6, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 25.05.2016. 60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 5,2
100 kopií.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz